

В чужой игре

Автор:

Николай Старинщиков

В чужой игре

Николай Александрович Старинщиков

Петенька Векшин, случайно попав в руки к оперативникам, соглашается на негласное сотрудничество по одному из дел. За первым делом следуют новые задания опера Подшивалова. И так по кругу. Мише Хитрому поступает вагон с таблетками, способными «рассмешить» весь город. Хитрого, с помощью Векшина, берут во время разгрузки вагона. Некто Дядя, подпольный делец, пытается уничтожить агента Векшина. Агент надолго пропадает из города – ведь Подшивалов не может его защитить... И возвращается в город совершенно другим человеком. Содержит нецензурную брань.

Глава 1

Агент Векшин каждый день читал теперь Книгу.

«...Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно...»

Закончив читать, агент посмотрел в окно, удивляясь собственной жизни. Раньше у него всё было проще, пока не стал он вдруг пешкой в чужих руках.

Петенька Векшин собрался тогда в кино и стоял в очереди за билетом. Возле кассы возникло вдруг непонятное шевеление. В ту же секунду руки у него

метнулись назад и кверху. В суставах ломило, на запястьях хрустели наручники.

– Оперативное задержание! – гремел чей-то голос. – Всем оставаться на местах!

Народ прижал уши.

– У всех кошельки на месте?!

– У меня нет, – отозвался мужской голос.

Люди в штатском вывернули у Векшина карманы и тут же обнаружили чужой кошелек. Он был явно подброшен. Пётр был удивлен происшедшим, пытался протестовать. На него не обращали внимания, посадили в задний отсек машины и привезли в РУВД – там и началось настоящее следствие.

Следователь Печкин, мужик лет за сорок, спрашивал торопливо, словно за ним гнались. Векшин разводил руками – откуда ему было знать, как к нему попал кошелек. Скорее всего, подкинули.

Пригласили понятых. В их присутствии Печкин осмотрел кошелек снаружи и сделал запись в протоколе. Потом открыл его, а в нем ни денег, ни старых билетов, ни квитанций каких-нибудь. Стерильная чистота в кошельке!

– Замечательно! – воскликнул следователь. – Просто восхитительно! Где отсюда деньги?

– Я их в руке держал, – отвечал пожилой гражданин, – а кошелек в карман положил. Может, я его обронил случайно...

– И вы готовы подтвердить это при допросе?

– Я вообще хотел его выбросить – он же старый.

– Выходит, вы не в претензии?

– Абсолютно...

Гражданин не нуждался в расследовании. Для него это было почти как потоп.

– Вот и ладненько, – улыбнулся Печкин, помня о главном в подобных делах: карманник не оставил бы при себе чужой кошелек – это равносильно приговору. Так что надо отказать в возбуждении уголовного дела. Выходит, ребята из карманной группы решили «срубить палку». Подкинули кошелек человеку и теперь улыбаются в ожидании премиальных...

Печкин заставил понятых расписаться в бумагах и отпустил. Осталось опросить задержанного. Но тут прозвонил телефон, и пришлось следователю отложить опрос, поскольку находился на суточном дежурстве и требовался в другом месте. И так до самого утра.

Векшина отвели в камеру для задержанных, а через полчаса его вновь забрали оттуда какие-то двое сотрудников в штатском. Удерживая под локоть, они опустили с ним в подвал, завели в кабинет без таблички.

За столом сидел гражданин лет тридцати. Лицо темное, усталое, продолговатое. Походит на цыгана. Еще двое сидели у стен. В подвальном помещении воздух стоял спертый, тяжелый.

– Присаживайтесь... – сказал темнолицый.

Петр сел на стул, огляделся. В углу сейф. Справа большой опечатанный шкаф. На стенах рожи: «Их разыскивает милиция».

– Фамилия? Где работаешь?

Векшин отвечал. Затем спохватился:

– А где следователь?

– На вызове. Расскажи нам, как дело было...

– Мне загнули руки, надели наручники, – объяснял Векшин, – вывернули карманы, а там оказался чужой кошелек. Пустой, между прочим...

– Мы это знаем! – сказали ему с серьезным видом. – Ты лучше скажи, куда деньги засунул?

– Так пусто же было!

Сотрудники словно бы спохватились. Действительно, пусто.

– И мужик подтверждает! – напомнил Векшин. – Подкинули!

– Не ори, – тихо сказал темнолицый.

– Как вас зовут? – впился в него глазами Векшин.

– Григорий Олегович. А фамилия моя слишком известная.

– И все же?

– Подшивалов.

Они смотрели друг другу в глаза. Прямой и дерзкий взгляд – это всегда вызов, и Векшин отвернулся. Ему бы домой вернуться и никого больше не видеть.

– Хочу заметить, – продолжил Григорий Олегович, – что сумма похищенного значения не имеет...

– В каком смысле? – не понял Векшин.

– Будь хоть копейка или вообще ничего, потому что всё зависит от умысла. Хотел стащить миллион – значит, чистое покушение на миллион.

– Кошелек-то пустой!

– Допустим, ты его подобрал... – с холодом в голосе произнес Подшивалов.

– Ничего я не подбирал...

- Тогда безвыходное положение. Чистое покушение... на миллион.

Оперативники оживились. По виду – сущие праведники. Хотят помочь человеку, но не в силах, так что сидеть придется Векшину.

- Сколько там дают-то? – Подшивалов придвинул к себе толстую книгу в коричневом переплете и раскрыл на нужной странице.

- От пяти до десяти лет, если по третьей части, – прочитал он из книги. – Плюс конфискация имущества...

- При наличии организованной группы, – подсказал другой.

- Совершенно верно, – согласился Подшивалов и снова спросил: – Один ты был?

- Один, – ответил Векшин, понимая, что оговаривает себя.

- Вот видишь, добровольное признание смягчает вину.

- Но я действительно был один. Кино хотел посмотреть.

Подшивалов достал из сейфа материал, собранный следователем, и стал молча читать.

- К сожалению, ничем не могу помочь. Тут так написано... Просто ужас какой-то.

Векшин не верил собственным ушам. Сходил, называется, в кино.

- Попробую уговорить следователя, – продолжил Подшивалов. – Если ты согласишься помочь нам в одном деле...

Векшин ничего пока что не мог понять. Впрочем, если надо, то помочь всегда можно.

- Только не строй из себя обиженного, – сказал Подшивалов. – Хорошо?

Петр вынужденно мотнул головой.

– За нами сидит тут один, – продолжил Григорий Олегович. – Третьи сутки бьемся...

– В смысле? – не понял Пётр.

– Не чирикает, – подал голос другой сотрудник.

Подшивалов пристально посмотрел в его сторону, затем продолжил все так же спокойно:

– Он прибрал к рукам чужую зарплату... Возможно, работал вместе с бухгалтером. Надо вернуть людям деньги, но мы не можем этого сделать.

– Почему?

Оперативники оживились.

– Дело в том, что наш человек, который нам помогал, уехал из города, – говорил Подшивалов. – Другой слишком известен... Остальным нельзя доверять. Короче, в запарке мы, а народ при этом страдает.

– И вы хотите...

– Вернешься в камеру, расскажешь свою историю – как тебя менты в очереди взяли. Старайся быть правдивым и ненавязчивым. Будут спрашивать – отвечай. Сам в душу не лезь. Сидеть придется дня три.

Векшин чуть не упал со стула. Трое суток! В одной камере с негодяем!

– Мы заплатим, – пояснили ему. – И справку дадим... Находился на лечении в областной больнице.

– У меня мать дома одна...

- Ей сообщат. С этого момента ты станешь нашим человеком.

- А если меня расколют?

- А ты постарайся. Возможно, он решится на побег либо ещё на что-то. Пойми ты - у него денег целый мешок. Месячная зарплата...

- Ты нужен нам, - говорили остальные. - Без тебя нам кранты...

Векшин понял это сразу и теперь лишь поддерживал разговор.

- А с Печкиным мы решим - ты же не крал чужие деньги.

Подшивалов выдвинул ящик письменного стола. Внутри что-то щелкнуло, и послышался голос:

- «Один ты был?»

- «Один...»

- «Вот видишь, добровольное признание смягчает вину...»

Подшивалов выключил диктофон.

- Это на всякий пожарный - вдруг ты начнешь вилить. Но если ты согласен, то мы подпишем с тобой соглашение.

Открыв сейф, он вынул бланк. Вписал необходимые данные и протянул Векшину.

- Выручай нас, парень.

Векшин взял ручку и расписался.

- Поздравляем. Теперь ты наш. Иди в камеру и расколи его...

Петра вновь отвели в камеру и оставили одного. Так он стал агентом криминальной милиции.

«Я не артист, поэтому в душу к нему не полезу, потому что это подозрительно, – решил он. – Надо молчать. И этот будет верно...»

Примерно через час к нему ввели сокамерника. Тот сел на просторные нары, занимавшие половину помещения.

– Козлы! – произнес он, утирая лицо платком.

Векшин молчал, лежа в полутемном углу.

– Тебя-то за что? – спросил сокамерник.

Векшин, не отвечая, сел, уперся локтями в колени.

– Свихнуться здесь можно, если молчать, – продолжил сокамерник. – Меня Эдуардом зовут, а тебя?

– Векшин...

– Будем знакомы.

Эдуард пересел ближе.

– Сигареты есть? – спросил он неожиданно.

– Выгребли всё...

– Сейчас закурим...

Эдуард нагнулся к полу и полез пальцами в щель между стеной и стойкой. Вынул сигарету, затем вторую. Следом появилась спичка и обломок спичечной коробки.

- Здесь так. Закуривай, - и протянул сигарету.

Они закурили. Дым медленно полз к электрической лампочке над дверью.

- За что тебя? - снова спросил Эдуард.

- Нет у них доказательств, - ответил Векшин. - Там много таких стояло. А кошелек - не доказательство.

Сокамерник слушал с интересом.

- Кошелек хотят на меня повесить, - продолжал Векшин. - А в кошельке пусто. Хоть бы копейка была.

- На покупке тебя поймали, - ухмыльнулся Эдуард.

- Одно не пойму - как он в моём кармане оказался. Разве же так бывает, чтоб кошельки летали?

- Меня тоже ни за что. Прикинь! Если ты крутил баранку и вез деньги - значит, ты вор. Короче, получили мы деньги с бухгалтером. В банке. Сели в машину. Я скорость не успел врубить - лезет один в машину. Будто негр. Короче, с чулком на морде, а в руке у него, не поверишь, обрез двуствольный.

- Ух ты!

- Короче, стволину в бок и велел сразу ехать - на Верхнюю Террасу. Оттуда напрямик в Старую Майну, потом за Красную Речку - и в лес. Там пересел на свою машину и ручкой нам помахал. Мы в погоню, а у нас бензина две капли... Короче, заглохли поперек дороги - прикинь!

Он замолчал, прикурил потухшую сигарету и вновь продолжил:

- Но только не верит никто. Этот еще в бега подался.

- Кто?

– Бухгалтер, я ж говорю. Добрались до города – он и пропал. Теперь ни денег, ни бухгалтера. Полный «дипломат» денег был. Разными купюрами. Представляешь?

Векшин молчал.

– Теперь менты шьют мне дело – из-за того, что я в пацанах сидел...

Петр о себе больше не рассказывал и ни о чем не расспрашивал. Странно было слышать от сокамерника историю о неизвестном грабителе.

Ночью Векшин почти не спал и лишь к утру забылся, а с утра их снова повели на допрос. На втором этаже их развели по разным кабинетам. Вместо следователя Печкина в кабинете сидел Подшивалов. Он встретил Векшина вопросительным взглядом. Тот присел к столу и повторил услышанное.

– Лапшу вешает, – усмехнулся Григорий Олегович. – История рассчитана исключительно на тебя, поскольку на допросах Эдуард говорит по-другому. Тебе об этом не надо знать – запутаешься. Но если мы начнем разрабатывать именно эту тему, он сразу поймет, кто ты на самом деле.

Векшин соглашался с доводами оперативника.

– Теперь ты понимаешь, с кем мы имеем дело... – говорил Подшивалов. – Придется тебе опять идти в камеру. Скажешь, не хотят тебя отпускать. Ругайся, матери нас как следует. – И вдруг спохватился: – Извини, накормить ничем не могу – он может понять. Через час тебе вручат передачу от матери.

– Она знает?!

– Нет. Я твоя мать теперь. Пищей делись, от угощения не отказывайся. Будет говорить – слушай. И помни: назойливый вопрос походит на допрос. Мы не знаем, на что он рассчитывает. Одно известно точно – бухгалтер пропал. А может, его и в живых давно нет. Ну, ничего – это ему не бухаря срубить.

– Кого?

– Не пьяного раздеть, говорю...

- Как там маманя?

- Не беспокойся. Ей сказали, что ты вчера отозван в командировку.

Векшина вернули в камеру. Эдуард уже сидел на нарах, блестя в полумраке глазами.

- Для чего таскают?.. Будто от этого будет толк, - сказал он словно бы себе самому. Потом прыгнул с нар и полез за сигаретами в «дупло».

- Векшин! - крикнули в коридоре. - Передача от матери!

Дверь уперлась в ограничитель, и в узком проеме образовался сержант.

- Получай... Мамаша твоя приходила. Подготовят документы - поедешь в ИВС, если начальству будет угодно...

Векшин принял бумажный сверток, присел. Развернул бумагу. Внутри оказалась палочка копченой колбасы, батон, конфеты, пряники и вафли.

- Присоединяйся... - Петр разломил колбасу, положил на бумагу.

- С матерью живешь?

- С ней...

- А я женатый... Думаю, к вечеру тоже придет с передачей. - Эдик загадочно улыбнулся. - Чайку бы сейчас замутить покрепче...

Они съели колбасу и батон.

- Вафлями угощайся, - предложил Векшин.

- Извини, Петя. Вафля - нехорошее слово. - Лучше назвать его пряником в клеточку.

Векшин искренне удивился. Пряник? В клеточку?

– Вафля – это мужское достоинство, – объяснил сокамерник. – Хоть ты и Васёк, но пока что неопытный.

– Васёк? – опять удивился Векшин.

– Карманный вор, значит. Я же вчера еще понял – луну ты крутишь.

– В каком смысле?

– В прямом... «Одно, говоришь, не пойму, как кошелек в карман попал...» Но я не в обиде. – Эдуард расплылся в самодовольной улыбке. – Козе понятно, каким ремеслом ты занят. По «низам» шарить тоже надо уметь. Особенно «с росписью», порезав одежду.

Петр молчал. Пусть думает, как ему хочется.

– Ты точно на машине работаешь? – спросил Эдуард.

– Я техникум перед армией кончил, заодно и курсы водителей. Газель в руках.

Сокамерник замолчал, моргая и глядя перед собой.

– Значит, машина в руках. А жигулёнка ты водишь? – снова спросил.

Векшин удивился. Можно подумать, что автомобиль – это чуть ли не вертолет. Ведь сам водитель, а еще спрашивает.

– Боюсь, не выбраться мне отсюда, – продолжал Эдуард. – Бухгалтер сдёрнул... Представь, со страху рванул, козел. Теперь они думают, что мы сами те деньги прибрали. И на «негра» свалили.

Петр молчал.

– Что ты скажешь?

- Трудное дело, конечно, - выдавил из себя Векшин. - Сразу и не понять.

- А как ты думаешь, отпустят меня или на кичу загонят? - донимал Эдуард.

- Если б бухгалтер никуда не ушел - другое дело, - отозвался Петя. - А тут видишь, как получается. Нет его...

- Вот и я про то же, - вздохнул Эдуард. - Не видать мне свободы. Они же теперь и безвинного могут засадить - за такую сумму, ты что. Им бы только иск на кого повесить. - И добавил однозначно, словно загодя зная: - Тебя-то они точно освободят.

После обеда его снова потащили на допрос. Следом за ним увели и Векшина.

В кабинете по-прежнему находился лишь Подшивалов.

- Забыл я тебе сказать одну вещь, - начал он. - Запомни главное: на связи будешь только со мной. Интересы остальных тебя не волнуют - иначе проколешься. Теперь о деле. Что нового?

- Испуган, потому что поделщик сбежал.

- Еще бы ему не пугаться...

- Спрашивал, действительно ли я работаю водителем...

- Кажется, лед тронулся. - Подшивалов улыбнулся. Первый раз со вчерашнего дня. - Ему нужен водитель. Но для чего? Для чего нужна человеку машина, если тот сидит в камере?

Векшин смутно догадывался, но ничего конкретного сказать пока что не мог.

- Вернешься назад, - инструктировал Подшивалов, - говори, что следователь до сих пор не принял решение, что ты будешь добиваться освобождения, потому что нет на тебе вины.

- Понятно...

- Его ни о чем не спрашивай, - напутствовал оперативник. - Думаю, сегодня либо завтра он что-то тебе предложит. Скажешь, очные ставки проводили с твоим участием, и все говорят, что кошелек сначала валялся на полу, а потом очутился у тебя в кармане. Это его подтолкнет, ему не на что надеяться...

Петра вернули в камеру. Эдуард сидел уже там.

- Бараны, - проворчал от порога Векшин. - Они говорят, будто я притер того мужика в очереди...

Сокамерник чиркал спичкой.

- Прикинь... - продолжал Петя, - очные ставки решили делать. «Потом, говорят, примем решение... Куда, говорят, тебе торопиться!...» - Он присел на нары. - Как будто здесь санаторий! Прокурору буду жаловаться!.. Плевать я хотел на эту контору!

Петя обернулся к двери, норовя произнести очередное ругательство.

- Не торопись, - остановил его однокамерник.

Векшин вытянулся на нарах и закрыл глаза. Потом успокоился и дремал часа два, вздрагивая, просыпаясь и вновь засыпая. Ему действительно надоел весь этот концерт.

Потом он проснулся. Эдик сидел в той же позе.

- Хочу с тобой поделиться, раз судьба нас свела, - скрипнул он голосом.

Векшин молчал, помня о главном.

- Можно бабок срубить полчемоdana - как ты на это смотришь?

Петр пожал плечами:

– Заманчиво...

– Я бы, например, согласился, – продолжал Эдуард. – Иначе так и будешь блох гонять по чужим карманам. Соглашайся. Насчет процента столкнемся...

Сидя в полутемной камере, грабитель строил радужные планы. У него как-то всё выходило просто – от безысходности он и не в такое мог поверить. Он словно бы говорил о рыбалке. На живца с подсечкой.

– Это же элементарно, – повторял он. – Проще, чем капустная кочерыжка.

План заключался в следующем: Эдуард признаёт кражу и едет показывать место, где закопаны деньги. Оставалось лишь встретить в том месте ментов. Есть у него ребята надежные. Отобьют. И деньги будут целы. И будет свобода...

Это был голодный свирепый волк, отбившийся от стаи. Он захлебывался от предчувствия близкой свободы. Одинокий волк...

– И будет свобода.

Желание выти на свежий воздух оказалось настолько сильным, что совершенно затмило ему рассудок. Он подробно рассказал, где надо искать деньги и даже нарисовал план на носовом платке стержнем от авторучки. Зарплата оказалась припрятана не так далеко, в Горелом лесу, рядом с селом Архангельским.

– Бухгалтер совершенно не в курсе, – говорил Эдуард. – Метнулся в сторону леса и бегаёт до сих пор.

Петр действительно вскоре вышел из камеры и больше не возвращался, однако Эдик продолжал ему верить. В этом было что-то нездоровое. Он надеялся, что, выкопав деньги, Векшин не уйдет с ними.

Через день, как условились, подозреваемый стал давать признательные показания. Деньги лежат под таким-то кустом у такой-то поляны. Естественно, его повезли на то место. Эдуард рыскал глазами по кустам и радовался. С ним приехали всего трое оперов. Их снять – как два пальца обделать...

Присмотрелся: место, где лежал «дипломат», раскопано. Значит, все шло по его плану. До свободы оставалось совсем немного. Нужно лишь вовремя упасть, когда братва начнет свое дело.

- Где ж ты их спрятал? Может, там? - подыгрывал ему Подшивалов.

Битый час Эдуард бродил по опушке, словно присматриваясь к приметам. И когда понял, что за кустами по-прежнему пусто, что никто его освободить не собирается, решил использовать еще один шанс. Он решил показать место, где лежал «сбежавший» бухгалтер.

Оперативники и девушка-следователь переглянулись. Покойника им только не хватало. Приехали всего лишь за тем, чтобы допросить на месте, снять на видео, где купюры лежали, - а тут образовался труп.

Указав на место захоронения (земля оказалась рыхлой), Эдуард запросился в кусты - живот у него закрутило.

Следователь Щербанюк отвернулась - ведите.

Оперативники отвели подследственного к кустам за машиной и сами тоже отвернулись - куда тому деться в наручниках. И повернулись лишь на шорох. Подследственный фигурант неся поляной, словно заяц по складкам местности. Пригнулся к земле и пошел галопом.

- Стой, Эдик! - кричала вдогонку следователь.

Но тот продолжал бежать.

Из машины выкатился пухлый водитель в обнимку с коротеньким автоматом. Передернул затвор, присел на колени. Автомат одиночно плюнул. Беглец перевернулся через голову и затих.

К нему подошли. Тело еще дергалось. Голова оказалась расколотой, словно арбуз...

* * *

Вовочка Садовский стоял на крыше высотного дома, обернувшись спиной к провалу. Обернув себя по животу веревкой, он потянул ее на себя – другой конец был привязан к бетонной коробке – и стал опускаться, бороздя животом о бетонный выступ карниза. Веревка впилась в ладони, а темная пропасть неудержимо тянула к себе.

– Коленями упирайся, Кочан, – советовал Жеребец.

Хорошо тому на плоской крыше. Послать бы его подальше, да слов жалко. И подняться, увы, невозможно. Можно только скатываться. До подоконника восьмого этажа.

– Окна не расколи, – хрипел Жеребец.

Но Садовский уже ничего не слышал. Кроссовки уперлись в покатую жесьть, и та захрустела, проминаясь под тяжестью тела. Держась одной рукой за веревку, Кочан другой рукой толкнул форточку, уцепился обеими руками за внутреннюю раму. Затем подпрыгнул, повис на обеих перекладинах и стал заползать в квартиру, извиваясь в узком проеме и теряя остатки сил. Только бы древесина выдержала.

До него вдруг дошло, что стекло – это та же гильотина, и он содрогнулся. Однако перекладины выдержали. Вовочка по-змеиному вполз головой вниз. Это оказалась кухня. Затем опустил руки на кухонный столик, вынул из проема сначала одну ногу, затем вторую. Потом выпрямился и прыгнул на пол. Половина задуманного исполнена.

Озираясь в сумерках по углам, Садовский обошел помещение. Действительно, нет никого в квартире. Хотя по-другому и не должно быть, потому что за квартирой наблюдали несколько дней.

А вот и дверь. Кочан приблизился к ней, нашел глазок и прильнул: Вагин с Матросом стояли на месте. Рука у Вовочки уцепилась за ручку дверного замка – механизм тихо щелкнул. Второй замок вообще оказался незапертым.

Тяжелая дверь отошла, и Матрос с Вагиным скользнули внутрь. Садовский прикрыл за ними и вздохнул с облегчением. Теперь он не какой-нибудь зяблик – на подхвате у остальных.

Матрос первым делом открыл холодильник. На полке лежала приличных размеров палка копченой колбасы, в дверце блестела початая бутылка водки. Матрос обернулся к буфету, вынул оттуда бокал и, наполнив наполовину, выпил, цедя сквозь зубы. Потом отломил кусок колбасы и пошел с ним медленно по квартире, приглядываясь к обстановке.

Тем временем остальные нашли в шкафу пару вместительных сумок и собирали в них тряпье, хотя в первую очередь следовало брать технику – легче сбыть. Матрос качнул головой. Пацаны и есть.

– Тебе зачем это? – скрипнул Матрос простуженным голосом, глядя на Вагина. Тот прикидывал на себя тонкую кофту. – Приодеться решил?

Вагин бросил вещицу на пол, снял с полки видеокамеру и сунул в сумку. Следом отправился видеоманитофон, потом планшет, ноутбук.

– А с этим что делать? – спросил Садовский, стоя перед большим плоским телевизором.

– Думайте, – ответил Матрос.

Из шкафа вынули покрывало, развернули на полу и, положив на него телевизор, завязали концы. Приличный получился узел, зато можно тащить на дальние расстояния.

Матрос подошел к шкафу и стал вынимать с полок постельное белье, тщательно встряхивая, словно в тряпках могли оказаться тараканы. А встряхнув, наотмашь бросал, пока не посыпались купюры. В том числе, кажется, даже пачка «зеленых» выпала. Матрос наклонился, тщательно сгреб их с пола, сунул во внутренний карман. Потом подошел к серванту, вынул оттуда высокий кувшин и, подставив ладонь, опрокинул вверх дном.

В руке оказались серьги, кольца, кулоны и броши. Целая горсть. Матрос отправил их вслед за купюрами.

Парни проглотили слюну. Приготовленные к выносу вещи еще предстояло обратить в денежную наличность, а Матрос уже набил карманы. Причем сделал это спокойно. Он везде успел: выпил, закусил и даже не вспотел.

Матрос заметил в полумраке косые взгляды и твердо решил, что в будущем надо быть осторожнее.

– Линяем, – прошептал он долгожданное слово, и группа сразу подошла к двери. Посмотрели в глазок – в коридоре пусто.

Матрос первым взялся за ручку и вышел. Следом, согнувшись под тяжестью груза, двинулись Вагин и Садовский и едва не повалили друг друга в дверях. Им казалось, чем раньше они выберутся на улицу – тем дальше от них окажется тюремная решетка. Ведь это же так очевидно.

Как условились, Жеребец (по паспорту – Гена Коньков) давно спустился с чердака и теперь торчал возле подъезда. На углу дома скрипнули тормоза. Услышав звук, Жеребец попятился внутрь подъезда.

– Фуден щекотнулся. Атас! – заговорил он торопливо, завидев Матроса.

– Не базлай, – буркнул тот, выходя из лифта.

С грузом на плечах, они друг за другом вышли из дома и направились в разные стороны, словно посторонние люди. Кому куда надо, тот туда и шагает...

Ландыш Ибрагимовна считала себя сложившимся человеком. Работая адвокатом, она сколотила для семьи, как ей казалось, значительное состояние. Муж у нее работал в поликлинике на второстепенной должности врача, так что вкладка особого в семейный бюджет не вносил. Соответствующим было к нему и отношение супруги.

Хозяйка квартиры вылезла из машины, шевельнула плечами, разминая затекшее тело. Муж все еще копался внутри. Не оборачиваясь, белокурая гордая женщина пошла в подъезд, оставив супруга одного.

Супруг не успел нажать кнопку сигнализации, как дверь в подъезде со скрежетом распахнулась, ударившись о бетонную стену. Ландыш Ибрагимовна выскочила из подъезда и взывала не своим голосом.

С трудом успокоившись, она вынула телефон.

- Алло, милиция?! Кто говорит?! Пожалуйста, приезжайте скорее!

Однако в дежурной части не торопились, задавая вопросы. Дежурного почему-то интересовала сумма похищенного и многие другие вопросы. Потом он понял, что дело серьезное:

- Обстановку не меняйте. Ждите...

Супруги ругались между собой, говоря на двух языках одновременно. Собрался разбуженный народ.

- Что случилось, Ландыш Ибрагимовна? Умер, что ли, кто у вас?

- Какой умер?! Хуже! Обворовали всю! Видеокамеру с видеомэгнитофоном! Телевизор! Деньги все вытащили! И дверь открытой оставили – заходи!

- Вызывать надо. Собака с милицией найдет...

- Вызвали уже, – махнула она рукой.

Ландыш Ибрагимовну трясло. Мигом обработали. А ведь она видела этих подлецов, когда они выходили. Те самые были. Лицом к лицу столкнулись в подъезде.

В светлом брючном костюме ей сделалось жарко, она стянула с себя пиджак.

– Разглядеть вот только не успела, – стонала она.

– Моментом обчистили, – жалели ее соседи.

Потерпевшая вновь вынула трубку и принялась набирать номер.

– Такое дело, а милиции не дождешься – сколько можно-то?

Она замолчала, слушая трубку, и потом даже вскрикнула:

– Что значит некогда?! Что значит, на труп уехали?! Пришлите другого сотрудника! Ах, вот как?! В таком случае будем жаловаться прокурору!

Она отключилась, понимая, что багровеет. Лицо дрожало. Волосы рассыпались. Крашенная блондинка негодовала.

– Иди в квартиру! – крикнула она мужу. – И сиди там!

Смирный супруг подчинился.

– Я здесь буду ждать! – добавила она ему в спину. – Мне жарко в квартире!

Ландыш Ибрагимовна села на скамейку и заплакала. Один только видеомаягнитофон на штуку «зеленых» потянет, не говоря о профессиональной видеокамере. Точно, на квартиру навел кто-то из бывших клиентов. Защищай после этого. Не спи ночами, ищи выход из безвыходного положения для негодяев.

– Иди домой, Ландыш, – позвал супруг, выглянув из окна.

– Дай отдышаться! – крикнула та и отвернулась.

Рука сама собой мяла телефонные кнопки.

– Что вы себе позволяете?! – вновь говорила она по телефону. – Теперь мне понятно, как это бывает! Вам безразличны мои страдания... Ах, уже выехали?!

Хорошо...

Оперативно-следственная группа прибыла с большим опозданием. Едва осмотрели одно место, как посылают на другое. Голова идет кругом от такой работы.

На осмотр квартиры ушло не больше часа. Из дежурной части тем временем была направлена ориентировка: ловите всех, кто крадется городом, согнувшись под тяжестью груза!

Главным выводом эксперта явилось то, что замки оказались нетронутыми. Никаких абсолютно следов, так что, возможно, в квартиру проникли с помощью подбора ключей.

- Кого вы можете подозревать? - спросил следователь у потерпевшей.

- Господи, да хоть полгорода! - ответил за нее супруг. - Кого только у нас не бывает!

Ландыш прожгла мужа насквозь. Светлые глаза почему-то обладали лазерной силой.

- Может, вы кому-то давали ключи? - снова спрашивал следователь. - Не давали?.. Тогда, может быть, отмычка...

Старший оперуполномоченный Подшивалов присмотрелся к окну. К нему подошел эксперт с лупой и принялся вертеть головой возле форточки. Обнаружил целую нить - та застряла в микроскопической расщелине. Продолжая смотреть через лупу, он пинцетом извлек ее.

- Видите? - обратился он к понятным.

Те ничего не видели.

- Тогда посмотрите.

Эксперт протянул им лупу. В объятиях гигантского пинцета находился целый кусок веревки.

- Приобщаем, - решил следователь.

- Неужели могли через окна? - удивилась хозяйка.

Потом хлопнула себя ладонью в лоб: будто студентка-первокурсница всему подряд удивляется. Выходит, что так и было. Через окно. Из соседней квартиры. Либо снизу. А может, даже и сверху. Прозорливый мозг злоумышленника всегда найдет способ, чтобы облегчить квартиру. Для этого не надо много ума, а надо лишь только задуматься. Ведь сколько раз говорили, не кладите деньги в белье, а золото - в посуду. Туда, порой, не лезет рука, зато оттуда легко высыпаются мелкие предметы.

Следователь, собрав материал, напоследок оглядел квартиру.

- Можно мне хотя бы надеяться? - спросила у него хозяйка квартиры.

- К сожалению, я не бог, - ответил тот. - А надеяться надо. Потому что иногда, сами знаете, как из мешка...

- Из крапивного,- добавил Подшивалов.

- Вот именно. Стоит лишь выйти на след...

Группа уже уходила, когда в квартире зазвенел телефон. Хозяйка взяла трубку.

- Они здесь пока что, - сказала она и протянула трубку Подшивалову.

- Слушаю, - произнес тот.

- Новый вызов, - сообщил дежурный. - Там рядом почти. Так что машина вам не понадобится - я забрал ее сразу же. Как прибудете, сразу мне позвоните.

- Что там?

- Кража. Еще с вечера...

- На каком этаже?

- Откуда я знаю! - удивился тот. - Подъемного крана у меня тоже нет, так что «на двойке» как раз доберетесь...

Оперативный дежурный, как всегда, мыслил глобально.

Ландыш Ибрагимовна подошла к холодильнику, отворила его с задумчивым видом и вдруг закричала:

- Бутылки нету! В дверце стояла! Почти полная бутылка «Московской»...

- Хорошо, - сказал следователь. - Сейчас внесем в протокол.

И группа вновь задержалась, хотя ее давно ждали в другом месте...

Вскоре они покинули квартиру, оставив супругов в состоянии глубокой депрессии.

Раньше Подшивалов находил слова утешения. Это были простые слова: не вас одних обокрали. Кражи были всегда, пока существует человек... Как ни странно, слова действительно помогали. Теперь он старался молчать - слишком вызывающе звучали слова. Вор должен сидеть в тюрьме, как было до этого сказано...

Группа вышла из подъезда и направилась через дорогу. Хуже всех приходилось эксперту: оперативный чемодан тянул книзу, и эксперт отставал от группы. А ведь он не лошадь, чтобы возить на себе гири.

Подшивалов оглянулся:

- Давай, помогу! - и перехватил чемодан у отставшего. Тот с радостью разжал руку.

Прибыли к пятиэтажке – в них отродясь не строили лифтов. Квартира, как по заказу, на последнем этаже. Поднялись. Дверь нараспашку. Единственный накладной замок в целости. Хозяйка-старушка заговорила. Велели не трогать обстановку – она и не трогает. Даже дверь побоялась закрыть.

– На пять минут вышла, – говорила она, – и будто мешок вывернули. Как чуют, что деньги на смерть припасла...

Она заплакала.

– Нам только что сообщили...

Группа вошла внутрь. На полу та же картина – постельное белье вперемешку с женской одеждой. Среди белья лежат несколько книг. Все в развернутом виде.

– Закладки искали, – горестно усмехнулась хозяйка. – В виде долларов.

– Знают, где добрые люди деньги прячут...

С трудом разбудили соседей, пригласили их в качестве понятых и приступили к новому осмотру. Дежурному вновь ушло сообщение: «Никаких зацепок. Задерживать всех, кто сутулится под тяжестью груза...»

На двери у потерпевшей был единственный «английский» замочек. Откуда было старушке знать, что подойдет какой-нибудь дяденька, нажмет плечиком – и дверь отворится. На дядюшкины плечики никаких засовов не напасешься.

На осмотр ушел еще один час служебного времени. Украденными оказались «похоронные» деньги, спрятанные в самый надежный сейф – старушечью библию. Однако и в нее не побоялись забраться чьи-то блудливые пальчики...

Группа еще только заканчивала осмотр, как поступило очередное указание дежурного. Надлежало идти по следующему адресу, и в это было трудно поверить. Кто-то словно дразнил их, заставляя идти позади. Жертвы сообщали о себе слишком поздно, когда вор уходил уже далеко.

Группа на этот раз перешла к другому дому – метров на сто от предыдущего. На этот раз квартиру обокрали на первом этаже. Преступники поднялись к форточке, выдавили стекло, выбрали осколки, а потом проникли внутрь. Возможно, это случилось давно, поскольку квартира три дня пустовала. На этот раз к воровским рукам прилипли десять тысяч рублей и телевизор «Самсунг». Кроме того, из холодильника испарилась бутылка водки «Чарка» и банка грибов. Зато от воров остался подарок – пустая бутылка из-под водки с отпечатками пальцев. На боку красовалась этикетка: «Московская».

– Не та ли это бутылка, что исчезла из адвокатского холодильника, у Гайнутдиновой? – рассуждал следователь.

– Не наша это бутылка, – утверждали в голос пострадавшие. – Мы вообще не любим порожних вещей.

Бутылку забрали с собой и отправились пешком в РУВД: все три кражи случились не так далеко от базы.

Подшивалов поднялся на четвертый этаж, вошел к себе в кабинет и включил чайник. Дежурство, будь оно неладно. Неужели все кражи – дело рук одной и той же группы?

Вода вскипела, и Григорий Олегович заварил чай.

Глава 2

До этого были пока что пустые разговоры да закатывания глаз на форточки недоступных квартир. Теперь это позади. Нет больше тяжких вздохов, как нет и бесплодной зависти. Конечно, перед этим пришлось долго бродить по городу и «нюхать воздух». В первую попавшуюся квартиру не полезешь – получишь по рогам и полетишь по воздуху без крыльев.

– Отабунились, – радовался Матрос. – А то я совсем завял...

С деньгами, надеялся Вовочка Садовский, и дурак станет умным. За деньги можно даже диплом купить, например, хирурга.

Вовочка был единственным сыном у матери. Мать у Вовочки, Нина Садовская, худая, жилистая, раньше работала на заводе, а еще раньше – аптечным провизором. Заботливая мать тащила с работы всё что могла: то тряпку из нетканого материала, то горсть шурупов, то мыла кусок. В хозяйстве сгодится – не пропадать же добру.

Когда-то давно жили они втроем в небольшом домике в деревне Сосновка, на краю города. Третьим в семье была Вовочкина бабушка – многодетная старуха на седьмом десятке. Внуки, бывало, соберутся – и пошли по горам, по долам. Вовочка за ними. Не отстает. Или в карты сядут играть. Вовочка здесь же, на глазах. Жили они в деревне, пока город не подступил.

Отец его на тот момент жил далеко за городом, в рабочем поселке Силикатном. Там у него была другая семья – жена с неродной дочерью. Вовочка знал отца – тот иногда навещал их. Но Вовочка не тянулся к отцу. Слишком рано родоки разбежались.

Вторая бабка, по линии отца, жила в той же деревне. Вовочке как-то взгрустнулось, и он подался к бабе Мане в гости. Та приняла внука. Накормила, угостила конфетами. Вовочка, милый ребенок, – даже головка на бок нагнута, как у папы, – поиграл немного на лужайке во дворе. Сходил в избу, опять вышел.

Мария Садовская была в огороде. Пришла – нет Вовочки.

«Значит, ушел домой», – решила она и стала собираться на работу во вторую смену. Взяла сумочку, а часов нет! Улетучились часики!

Кинулась к сватье:

– Был у меня Вовочка. Больше некому. Пусть вернет часы...

«Родная» старуха заняла глухую оборону:

– Какие часы! Опять ты за старое! Приезжал, может, твой и утащил!

Вот и возьми с них. Сватья села в подошедший транспорт и уехала на работу. А на следующий день, когда еще спала, во двор постучали. Пришли сватья с бывшей снохой и положили на крыльцо свернутую бумажку.

– Стоило из-за этого крик поднимать, – по-гусиному бормотала сватья. – По всей деревне ославилась, бессовестная. Родного внука не пожалела.

– Облигации пусть тоже вернет! – спохватилась сватья. – Его рук дело. Больше некому.

– Это когда было-то?! – взвизгнула сношенька. – Ему всего-то в то время полгода было.

– Значит, ты их у меня утащила, когда вы разводились.

Бывшая родня поднялась на дыбы. Облигации теперь какие-то. Стукнув с размаху воротами, они пошли улицей, вдоль забора, бормоча проклятья...

Рядом с Сосновкой строился крупный промышленный комплекс, и город неумолимо приближался к деревне. Настало время, когда старухин домик снесли, и Вовочка с матерью получил отдельную двухкомнатную квартиру.

Мать работала на заводе. Вовочка учился в школе. Но его по-прежнему тянуло в Сосновику, до которой рукой подать. Летом он пропадал там целыми днями и не заметил, как вырос. Четырнадцать лет стало. Пора за ум браться, специальность искать. Можно закончить девять классов и поступить в училище.

Легко сказать – девять классов. Это шесть раз в неделю надо ходить в школу и сидеть там дни напролет. От бесцельных сидений задницу ломит, в то время как мысли летают в оврагах, лесу, на берегах реки или в степи. Там суслики скачут и – никого...

С грехом пополам мать затащила его в училище. Взяли под честное слово, без свидетельства об окончании девяти классов. Бывает же такое в жизни, что не идет дело у молодого человека в школе, зато какой потом производственник получается!

Не получился! Всего три месяца отъездил в техническое училище, и на том завершилось Вовкино обучение. Зато как он умел рассуждать о жизни – заслушаешься.

Матери удалось устроить малолетку рядом с собой. Можно ведь и на производстве получить специальность. Напрасно надеялась, потому что через месяц бросил. И так до самой армии. Месяц работаем – два отдыхаем.

– Чё мне делать?! – кричит Нина в трубку своей знакомой. – Повестка из военкомата пришла – заберут ведь! И будет пахать там на генералов!

«Да хоть на маршалов, – думала подруга. – Глядишь, работать научат...», – а вслух поддержала позицию одинокой матери. Конечно, жалко отдавать. Но служить-то ведь надо...

Потом Нина опять звонит подруге, захлебываясь от счастья:

– С военкомата замучились к нам ходить. Придут, а мы залезем под диван и лежим там, хе-хе-хе... Постучат-постучат и уйдут.

– А он что? Не хочет?

– Какая ему армия! У него же голова болит. Сотрясение мозга...

– Ах, вот оно что. Я и забыла, – говорит подруга. – А то ведь ему послужить бы надо.

Нина всерьез негодует. Хорошо чужим рассуждать, у которых либо отцы в наличии, либо вместо парней одни девки.

Как бы то ни было, Вовочку с помощью милиции доставили на призывную комиссию и стали таскать по врачам. У Вовочки оказалось сотрясение головного мозга при падении с кровати в раннем детстве – настолько раннем, что сам он об этом ничего конкретно не помнил. Садовский решил наотрез «косить» от армии. Мать полностью находилась на его стороне. Она всегда за него – даже грудь свою не пожалела однажды, когда Вовочка вдруг надумал стать боксером, а груши боксерской для тренировок не оказалось.

– Дай, мама, я буду с тобой боксоваться, а ты стой, не дрыгайся...

Мать стойко терпела. Сынок тренировался. Два дня. А через год у матери вырезали из молочной железы злокачественную опухоль.

«Результат удара», – сделали вывод в онкологической больнице.

Вовочку в военкомате осмотрели со всех сторон и для верности направили на областную комиссию. Дальше – больше. Из областной комиссии послали Вовочку в «Карамзинку» – мозги проверить. Дело в том, что призывник не смог объяснить поговорку: «Не плюй в колодец». Вовочка почему-то сказал врачам, что отравиться можно, а тем показалось, что это признаки слабоумия. Однако Карамзинские психиатры сразу раскусили его. Никакой он не debil. А то что не смог продолжить известное изречение, так это связано не с мозгами, а с ленью несусветной, а та напрямую опять же с упертостью.

Вывод комиссии оказался прост как оглобля: Садовский Владимир Юрьевич подлежит призыву на общих основаниях. Кочан и был бы призван, явись он вовремя в военкомат, как в повестке было предписано. Однако он не явился. Его прибило к стае. Теперь ему некогда служить, потому что отабунился. Со временем, может, даже титулованным вором станет. Говорят, надо дожидаться, когда тебя другие произведут. Это он удачно на Матроса Бушуева выехал...

Утро встретило Вовочку абстинентным синдромом. Нутро просило: «Опохмелись, иначе не дождешься ни одной умной мысли». Даже странно, как бы он служил в это время в армии. Уже месяц ходил бы в форме, в сапогах и учился шагать в строю.

Вовочка встал с дивана, оглядел помещение. Квартира принадлежала Жеребцу. Родители у него недавно отчалили в отпуск – скопили денег и решили съездить в Сочи. Квартира в полном распоряжении сына. Тот и распорядился: на столе – батарея пустых бутылок, в мусорном ведре – куча консервных банок. Вчера пили, пока жидкость вся не иссякла. Так что нечем теперь даже горло промочить.

Матрос валялся в позе краба – головой вниз, охватив диван руками.

– Кончай массу давить, – проговорил Вовочка. Но Матрос не двигался.

– Пацаны! – крикнул Вовочка, глядя в коридор и прислушиваясь. Но никто ему не ответил. Вагин и Жеребец, должно быть, находились в спальне. Он встал и отправился на их поиски.

В коридоре вдоль стен лежали узлы, все в сохранности, тогда как деньги, прихваченные в квартирах, оставались в кармане Матроса.

«Точно! – пронзила Садовского мысль. – Зажевать решил денежку – как наиболее авторитетный...»

Жеребца в квартире не оказалось. На широкой хозяйской кровати спал только Вагин.

Садовский развернулся и побрел на кухню. Открыл холодильник. Внутри оказалась бутылка пива «Жигулевское». Вовочка торопливо открыл её и присосался к горлышку. Выпил всю, а пустую посудину спрятал под мойку. Не видел. Не слышал. Не знаю. Внутри организма моментально полегчало.

Потом он вернулся в зал. Матрос сидел, держась руками за диван. Он словно боялся улететь. Волосы вздыблены.

– Что с тобой? – спросил Садовский.

– Крыша едет, – признался Матрос. – Морг приснился. Жмур лежит на столе, а дуборез его кромсает.

Шаркая подошвами, к ним подошел Вагин. Ну и вид тоже бывает у человека – словно всю ночь висел вниз головой, как летучая мышь. Оттого и припух.

– Ничё не осталось? – спросил он, тоскливо глядя на стол.

– Говорил, чтоб не налегали... – крикнул Матрос.

– А этот где? – спросил Вагин.

Никто не знал, где мог быть Жеребец. Взял и ускакал, пока все лежали. Матрос осторожно щупал карманы, надеясь, что никто не заметит. Напрасно старался, от Вовочки не скроешь. Он помнит, какие конкретные бабки лежат у того внутри.

- Короче, расходимся... - решил за всех Матрос. - Потом встретимся. Не нравится мне эта хата.

Сказал, как последняя инстанция.

- А доля? Надеюсь, ты не забыл? - напомнил ему Садовский.

- За кого держишь?

- Квартира ему не нравится... Жеребец - пацан еще тот. Отошел, может...

- Причем здесь этот гнилой базар? - Матроса мелко трясло. - Деньги при мне. Шмотки продадим и поделим. Для чего сейчас деньги крошить?

Садовский играл челюстями. На лице - улыбка, на щеках - бугры.

Входная дверь тихо отворилась, в квартиру вошел Жеребец. Вовремя явился, чуть до кулаков не дошло у товарищей.

В руках у Жеребца был пластиковый пакет.

- К столу, пацаны! Пришлось музыкальный центр толкнуть каину.

- Какому?! - для вида спросил Матрос.

- Да тут одному... Рядом живет. Гнилой весь, зараза. Четверть цены уплатил, бобер.

Жеребец поднес сумку к столу и стал выкладывать из нее продукты. Литр водки поставил на середину. Крабовые палочки - четыре пачки - на каждого по штуке. Закусывать ими хорошо. Пару банок ставриды и четыре шпрот. Палку колбасы

«Сервелат». Сигареты. Целый блок.

– Хлеба, конечно, не принес, – проскрипел Матрос

– Хлеб еще вчерашний остался. Надо доесть...

– Тогда вздрогнули. У меня серьезный к вам разговор.

Садовский вцепился в бутылку, стал крутить винтовую пробку. Резьба сорвалась.

– Дай ножик, Матрос.

Тот вынул из кармана складной нож и, не торопясь, протянул.

Вовочка разложил лезвие, поддел пробку, разрезал и снял. Затем наполнил до краев большие рюмки.

– Понеслись... – выдохнул Матрос.

Он не глотал водку – жидкость сама вливалась внутрь, а кадык не вздрагивал. Разорвав пачку крабовых палочек, он сунул одну торопливо в рот и стал жевать.

– Классический закусон, – говорил он с набитым ртом.

Ребята тоже тянулись к закуске.

– Если скрестить бульдога с волкодавом, – продолжил Матрос, – то получится...

– Лев, – закончил за него Садовский.

– Не угадал. Получится говнодав. Но я не хочу, чтобы наша фирма превратилась в ее подобие. Нам нужны средства. И храниться они должны в одном месте. Конечно, каждый может забрать свою долю, но часть, или пай, надо оставить. На тот случай, если придется рвать когти или чалиться. Правильно я говорю?

Пацаны молчали.

– Кому-то кажется, что я слиняю, – продолжал Матрос.

Парни вскинулись. Как он мог до такого додуматься. Без его богатого опыта они ничего не стоят. Они согласны. Садовский тоже согласился. Пусть все деньги у Матроса останутся. Пусть он ими командует. А вещички они потом продадут и поделят на четыре равные части.

Водка расслабляла. И то, что до этого Вовочку волновало, отступило на задний план.

– У меня квартирка есть на примете. – По лицу Матроса скользнула улыбка. – Сегодня можно сбегать. С нефтепромысла приехал один – и к теще в деревню подался. Заработками хвалиться поехал.

– Опять по веревке спускаться? – Вовочке мерещился асфальт в бездонной пропасти.

Взгляд у Матроса потяжелел:

– Ты чё, Кочан? Тебя тошнит от возвышенности?

– Тебе показалось... – Вовочка кисло улыбнулся.

– Тогда жуем, пьем и отдыхаем. А вечером побежим.

Матрос поднял рюмку и, не чокаясь, выпил. Чокаются только дураки.

Однако литр на четверых – это не так уж и много. Это совсем ничего. Но Матрос заартачился.

– Позабыли?! Вечером дело!

Пацаны с трудом успокоились.

– Можно просто прогуляться по улицам, – смягчился Матрос. – Ведь никто нас не знает...

Действительно. Никто. А если и видел кто, так это ни о чем не говорит. Не пойманный – не вор.

Они вышли гурьбой из квартиры, спустились на улицу и пошли вразвалку, покуривая. Глаза по привычке бегали по верхним этажам. На проспекте Ленинского Комсомола они остановились. Громадное здание недавней застройки манило глаз. Фигурчатые стены обросли спутниковыми антеннами, как грибами после теплого дождика.

- Вот бы нам туда попасть, – пялился кверху Садовский.

- Совсем ты, что ли? Там же охрана... – сомневался Жеребец.

- Старуха, чай, сидит на воротах.

- Выкинь из головы, – скрипнул Матрос. – Хватит на наш век и этих. – И посмотрел в десятиэтажное здание напротив. Народ там жил менее состоятельный.

Через пару кварталов четверка слегка утомилась и застыла около сквера, недалеко от киоска.

- Сбегать мне надо, – буркнул Матрос и пропал в зарослях.

Парни купили в киоске пива, расположились на скамье и принялись шелушить вяленую чехонь, запивая пенистой влагой. Оставили после себя кучу рыбьих костей.

Матрос вынырнул из кустов с недовольной физиономией – на пять минут оставить нельзя. Сам ухватился за недопитую бутылку в руках Садовского, потянул на себя, не глядя. Вовочка разжал пальцы.

- Вечерком, сегодня, – сказал Матрос и влил в себя пиво, словно в воронку.

- А я бы всё же залез в тот скворечник, – мечтал Вовочка, цвыкая от счастья зубами. – Меня туда тянет. Интересно, как у них там?

Он успел побывать в пяти квартирах и теперь ничего не боялся. Веревка бы только выдержала. Остальное – дело техники.

Они двинулись в обратном направлении. По пути Матрос вынул из кармана пятисотку и протянул Садовскому.

– Купи литр, Кочан. И жрачку...

Вовочка без особого энтузиазма принял купюру и повернул к магазину. За шныря лагерного держит его Матрос.

Поджидая Садовского, группа медленно отошла к углу. Вовочка догнал их с пакетом в руке. Голова набок. Даже взмок от усердия.

Друзья продолжили путь. Вот опять то красивое здание, которое всё в «тарелках». Вовочка задрал кверху голову.

– Это как надо людям жить, чтобы у каждого тарелки висели на балконах?

– Шею свернешь, – усмехнулся Матрос.

Они возвратились к Конькову и принялись за выпивку. На закуску Вовочка прикупил в магазине здоровенный окорок. На свои, между прочим, деньги.

– Сейчас мы его смулендим, – радовался Вагин.

– Тебе диету надо соблюдать, а то опять опухнешь, – припугнул Матрос.

Вагин недовольно сверкнул глазами:

– Как по квартирам шмонать, диету не спрашивают...

– Не плачь. У нас семья. А в семье должно быть все едино, – успокоил его Матрос и улыбнулся, обнажив сбоку вставленные желтые зубы.

«Кучеряво у него получается, – отметил про себя Вовочка, – что даже я поверил».

Выпивка шла своим чередом. Матрос рассказывал, как первый раз отбывал срок на общем режиме. Учил, что допустимо в среде осужденных, а что нещадно карается. Он дважды побывал за колючкой, и за оба срока ничему не научился. Руки по-прежнему тянулись к чужому добру. У Матроса дома жена и двое детей – одному двенадцать, второй семь. Но папа в очередной раз куда-то исчез – для них он то ли в загуле, то ли шабашка опять подвернулась.

– В розыски только не подали бы, – вспомнил он о семье.

Впрочем, Матросу было точно известно, что не подадут. Не зря он сегодня отлучался, пока остальные сдирали с вяленой рыбы жесткую чешую. Заскочил домой всего на минуту и передал добычу жене.

У той улыбка от уха до уха – отродясь таких денег не видела, чтобы золотистыми купюрами и толстой пачкой. Рука радуется, чувствуя упругую толщину.

«Семья» в течение получаса прикончила водку и окорок. В квартире слоями пластался табачный дым. Низкорослый тощий Матрос рассказывал пацанам об отличии колонии-поселения от обычной зоны. Туманно у него получалось. Слишком быстро и неясно. Выходило, что колония-поселение – это вроде рая с любимой, но в шалаше. Язык у Матроса стал вязнуть между зубов, он опрокинулся на диван и затих.

– Вырубился наш крылатый! – усмехнулся Вовочка и снова полез за сигаретой.

Но Матрос вдруг дернулся на диване, отворяя веки:

– Куда баллоны катишь!..

Проскрипел надорвано и вновь закатил глаза.

– Матрос, Матрос, – толкал его в бок Вовочка, но тот не подавал голоса. – Приснилось, значит...

Садовский огляделся по сторонам. Остальные двое уже разбрелись по квартире. И тоже, как видно, вырубались.

Глава 3

Петенька Векшин сидел дома, глядя на улицу. Мать толклась на кухне. За окнами временами двигались люди. Агент был абсолютно им безразличен. Они не знали о нем ничего. Документы о сотрудничестве лежали у Подшивалова в сейфе. В тех документах даже кличка агентурная значилась – Шпиц.

Векшин потянулся, встал со стула и снова сел. Чиркнув зажигалкой, он раскурил сигарету и стал разглядывать портрет отца с матерью, висевший на стене.

«Будь он жив, отец, – думал агент, – все было бы по-другому...»

Он не закончил мысль: напротив дома, рядом с тополем, остановилась чья-то машина. Агент вскочил и спрятался за оконный косяк: надо было еще вчера закрыть ставни. Оставалось надеяться, что приехали не к нему.

Однако стриженный загорелый парень уже заходил во двор – его фигура мелькнула в воротах и остановилась на крыльце. У парня была на лице примета – вмятый широкий нос. Агенту даже послышалось, как тот выматерился, глядя на висевший снаружи замок, затем вновь послышались шаги.

Агент вжался в передний угол, под иконами, и замер, держа в руках охотничий ствол. Надо лишь перехватить ружье – патроны с картечью давно ждут своего часа. Просто так Петр Ильич себя не отдаст.

Незванный гость вдруг прильнул к стеклу и, ничего не увидев в помещении, торопливо отпрянул. В руках у него в ту же секунду образовался телефон.

– Дядя, это Серега Динамит, – говорил он, направляясь к воротам. – Похоже, ваш Петенька сдернул отсюда...

Агент хорошо это слышал. Прозвучала всего одна фраза, зато какая! Теперь точно известно, кто о нем соскучился. Но Шпиц туда не торопится, потому что живым оттуда будет не выбраться. Если ему и надо куда, так это к старшему оперу Подшивалову.

С кухни в зал вышла мать и остановилась, глядя на сына.

- Опять приходили? - спросила она.

- Приходили.

- Хорошо мы с замком придумали - он там висит снаружи, вроде как нет нас, а мы тут...

Пробуждение компании было тяжелым. Вагин хлопал глазами. Матрос повторял одно и то же:

- Слушаем все сюда, объясняю...

Вовочка молчал, клоня голову на плечо. На Жеребца навалилась икота: с отдыха возвращались родители, и надо было избавиться от «квартирантов» с ворованными вещами.

Снаружи давно стемнело, но компания, словно сговорившись, молчала о недавних планах. Какие могут быть квартиры, когда во рту ночевал «эскадрон гусар летучих».

- Сейчас я вас всех опохмелю! - строжел на глазах Матрос. В голосе звучало железо. - Собирайтесь!

- Тихо, Матрос. Слышно кругом, - пугался Вагин. Трезвый он боялся каждого шороха.

- Не дергаться. Поплыли...

Шел второй час ночи. Пока идут, пока осматриваются - три будет. Самое воровское время. А там и рассвет.

Наконец они собрались, вышли на улицу и двинулись гурьбой вдоль домов. Вот и сквер. Они остановились и прислушались. Матрос распорядился:

– Я первым иду, а вы дуйте к двери. Минут через пять...

Парни молчали.

– Квартиру не забыли? – спросил он еще раз.

Оказалось, номер квартиры запомнили, и Матрос вильнул за кусты.

Жеребец поглядел на часы: минута прошла всего, а кажется – целая вечность. И закурить нельзя, потому что Матрос не велел.

Наконец пять минут истекли, и группа двинулась к обозначенному объекту. На этот раз квартира оказалась на первом этаже. Остановились у выбранной двери, потянули на себя за ручку: за дверью в полумраке стоял Матрос.

Вагин с Садовским вошли внутрь. Дверь закрылась, щелкнув замком.

Жеребец в этот раз опять оказался снаружи – стоял на тротуаре и с любопытством пялился в окна.

– Хоть бы в сторону отошел, – ворчал Матрос, всей душой ненавидя «танцора». Сам привычно приблизился к платяному шкафу, раскрыл створки и стал ворошить белье, обскакав остальных «гостей». В этой квартире Матрос прекрасно ориентировался – в ней жил не просто сосед, в ней обитал его друг!

Перетряхнув половину шкафа и ничего не найдя, Матрос стал терять терпение.

Напоследок Матрос вновь запустил руку по самое плечо и замер. Пальцы знакомо уткнулись в упругую бумагу. Приятное ощущение. Оглянулся по сторонам: «гости» привидениями бродили по квартире, складывая вещи у двери.

Матрос, не оглядываясь, переместил пачку денег себе за подкладку. Специально куртку с надрезанным швом надел. Шкаф сразу перестал его интересовать. Матрос для блезира подошел к серванту и стал переключать в нем посуду. Молодежь дышала ему в затылок. Если б они только знали, дураки...

- Ну что? - спросили.

- Ничего, уходим.

Они подошли к двери.

- Я вас догоню. Головами не крутите, - прошипел Матрос

Вовочка с Вагиным вышли с вещами из квартиры. Вильнув направо по коридору, они оказались на улице. У подъезда к ним примкнул Жеребец.

Матрос догнал их буквально через минуту.

- Слабо зашли, - произнес он, задыхаясь.

Вовочка молчал. Вагин сопел от напряжения. Жеребец грохотал позади подошвами.

По пути остановились у круглосуточного киоска. Узлы оставили в кустах и подошли к витрине.

- Надо жрачки купить, водяры, а то будем носиться днем... - сказал Матрос и полез в карман за деньгами.

Потом взял у продавщицы пустой пакет и принялся складывать в него продукты: четыре поллитры, колбасный фарш в пластиковой упаковке, рыбные консервы, пару баллонов пива - ручки того и гляди оторвутся.

- Возьми еще пакет, - сказал Садовский, словно рентгеном просвечивая Матроса. Утаил Матросик денежку, а ведь так не делают в порядочных шайках.

Матрос чувствовал, как бьется собственное сердце. Попросил у продавщицы еще один пакет и, получив сдачу, вцепился в ручки, всем видом показывая покорность судьбе. Шел впереди, чувствуя спиной липучий взор Кочана. Придется опять с утра мозги промывать «зеленому».

Жулики поднялись к Жеребцу в квартиру и оставили узлы у двери.

- С утра разложить надо на балконе... - планировал тот. - Запинаться надоело.

- Без проблем, - успокоил его Матрос. - Уберем завтра.

- У меня мать приезжают...

- Говорю, приберемся, - заверил его Матрос.

Проговорил и направился с пакетом на кухню, по-прежнему чувствуя на себе тяжелый Вовочкин взгляд. Оставалось напоить его водкой и послушать, как он запоет.

Для удобства они уселись на кухне. Рядом вода, плита, холодильник. Да и стол в зале порядком загроможден. Убраться бы надо, но некогда. Каждую ночь они бегают, а днем отсыпаются, словно семейство кошачьих. Куда «штурвальный» повернет - туда и остальные, как утята за уткой.

Вовочкин папа, бывало, как начнет нарезать круги по Сосновке, так и бегают, задрыв рога, пока не рухнет в бессилии. Одно слово - Скакунок! Вовочка от него сильно отличается. Он его превзошел.

Шайка сидела за столом, в помещении вился плотный дым. Выпили. Закусили. Повторили. Сам собой возник разговор. Вначале осторожный - не разбудить бы соседей, не навести бы людей на дурные мысли. Потом разговорились. Кто они такие, соседи?! Пусть себе спят, поскольку это не их дело!

И парни старались. Молодость так и перла из них. Одному лишь Матросу за сорок. Маленький, метр с шапкой, но зато умный и опытный. Потому Вовочка и приглядывает за ним. Не смотрит - душу выворачивает наизнанку. Это он так на характер действует.

- Слушай сюда, Кочан, - не выдержал Матрос. - Что ты все пялишься? Может, я у тебя занял и забыл? Ты скажи, не стесняйся.

Вовочка натянуто улыбнулся: «Чует, падла, грешок за собой...»

– Чё молчишь? – заводился Матрос. – Ответь людям! – Простуженный голос рокотал в груди.

Вовочка задумался. Интересно ставит вопрос крылатый. Получается, все здесь люди, а Кочан – никто. Один против всех. Поэтому Вовочка молча выпил внушительную стопку водки и запил пивом, не закусывая. И тут его повело.

– Может, сам объяснишь, крылатый?

Вовочка сказал то, что думал. Матрос считал себя чуть ли не вором в законе – значит, крылатый и есть.

– Куда баллоны катишь?..

Матрос откинулся к стене, сунул руку в карман брюк, однако пальцы застряли внутри. Не вынуть нож с выкидным лезвием – для этого вначале подняться надо.

Он вскинулся было кверху, но Садовский, сидя, тут же щелкнул его кулаком в лоб. Голова у Матроса стукнулась о бетонную стену, тело поехало книзу. Садовский вскочил и добавил еще раз. По отвислым губам.

Вову схватили под руки, но тот и не думал вырываться. Высвободил руки и присел к столу с довольным видом. Кто теперь у них самый крутой? Похоже – Кочан. Все стальные отойдут под него. В том числе и Бушуев Василий Андреевич, по кличке Матрос. Не очень-то он теперь походит на главаря.

Матроса под руки отвели в спальню, уложили на диван. В кармане у него обнаружился складной нож с выкидным лезвием. Конькова трясло: в его квартире могло случиться смертоубийство – это он ребрами чуял.

Представив залитые кровью обои, Жеребец содрогнулся. Зря связался с Матросом и со всеми остальными, и назад теперь не шагнуть – слишком увяз.

А Вовочке хоть бы хны. Не тревожат его воспоминания о безоблачном прошлом. Может, таким и родился, с насквозь истлевшей душой.

– У меня к вам серьезный базар, – проговорил Садовский. – Этот пусть спит там, а мы должны решить.

Коньков с Вагиным настроились слушать.

– Короче, – продолжил Вовочка. – Мне этот гад вот где сидит!

Он чиркнул пальцем себе по горлу и продолжил, запинаясь и прыгая с пятого на десятое:

– Щебечет Матрос вроде бы правильно. Прекрасно! Но кто он такой? Кому он на уши двигает... – Вовочка нервничал. – Здесь Матросу не дельфинарий! Кого он вздумал на лезвие посадить!..

Пацаны молчали. Коньков мучительно думал о возвращении родителей. Вагина, вероятно, искала мать, рыская по всему Новому городу

– Короче, – подвел черту Вовочка. – Этот больше у нас не хозяин.

– Кто тогда? – спросил Коньков. Ему уже чудился выход из сложившейся ситуации.

– Никто! – ответил Садовский. – Обойдемся! У нас будет демократия. Как решим, так и будет. И пусть все деньги вернет в общак, которые упер. Дурачков теперь нет для него.

– Действительно.

– Тогда выпьем за наш союз, пока этот не щекотнулся.

Коньков наполнил рюмки, и парни снова выпили.

Из зала вначале донеслось шевеление, затем шлепки ладоней по телу. Вслед за этим Матрос пробурчал утробным голосом:

– Расплодились, сволочи!

Парни прислушались.

– На мух ругается, – догадался Вовочка. Он затянулся сигаретой и продолжил: – Короче, я всё сказал. У нас не бычий отдел, и он не комендант... Я доходчиво объясняю?

Ему никто не ответил: в коридоре раздались шаги, и на кухню вышел взлохмаченный Матрос.

– Как выбираться будешь – подумал? – шепелявил он разбитой губой. Потом замолчал, бегая глазами по кухонной стенке. Казалось, он подыскивал там слова, а может, он искал топор, чтобы покончить враз и со всеми. Не нашел. Сел на свободный табурет и потупил голову.

Вовочке вдруг стало жаль человека. Ведь тот в отцы годился им всем. Но демократия Вовочке была дороже, чем любое подавление личности. Не будет отныне в их конторе бригадиров.

– И потекет из вас мокрая жижа, – заключил Матрос. – С ментами базарить – это не смехом брать на характер.

На него не обращали внимания. Лишнего выпил дедушка – вот и куражится.

– Не переживай, – сказал Вовочка. – Ты по-прежнему в доле. Но мы хотим, чтобы нам не ездили по ушам. Иди. Отдыхай...

Матрос не хотел уходить. Ему налили в стакан. Он опустил в него разбитую верхнюю губу и, медленно опрокидывая голову, взялся цедить водку сквозь зубы. Молодежь с состраданием смотрела на поверженного героя. Попал под сплав и тут же завял.

Опорожнив стакан, Матрос поставил его с краю стола.

– Теперь командуйте. А я на вас посмотрю – мне даже легче от этого.

Сплющив губы, Матрос громко потянул носом воздух и заскрипел зубами. Свергли! Понизили в рядовые! Придется пахать на общих основаниях без права

на веское слово!

Неожиданно он сморщил лицо и принялся чихать. Безостановочно.

- Табак в нос попал, - сказал Садовский.

«Ничего, - думал Матрос, закатывая глаза. - Деньги лежат у меня дома. И будут лежать, пока жена не истратит. Во-вторых, мой опыт обязательно пригодится. Молодость - вредное состояние, так что не надо особо гордиться».

- Иди в зал и там чихай, - велели ему.

- Это вам не в носу ковырять...

«Зеленые» нагло смотрели Матросу в глаза.

Делать нечего. Прелые кадры попались на этот раз. Матрос поднялся из-за стола и направился в зал. Не разуваясь, упал на постель и сразу же захрапел.

Кочан радовался больше всех. Все-таки быстро сместили Крылатого...

День встретил пацанов неожиданностью: в квартиру ломились соседи.

- Кельдым устроили! - ревел на площадке мужской голос, прерываемый женским воплем. - Ночь напролет орали - теперь течет у них! Слышишь, ты?! Открой, Генка! Тебе говорят!

Жеребец на цыпочках подошел к двери и посмотрел в глазок: на площадке стояла толпа - у мужика в руках был древесный обрубок либо полено, женщина опиралась на швабру-лентяйку, остальные тоже были настроены агрессивно.

- Открой немедленно, сучок ты вывихнутый! - требовал мужик. И тут же к остальным: - Идите, звоните в милицию! Чё стали!

Одна из женщин откололась от группы и ушла вниз. Кажется, та, что жила снизу.

Коньков кинулся в ванную комнату и обомлел: из переполненной ванны на пол во всю ширину стекала вода. На полу скопилась глубокая лужа – хоть кораблики пускай. А в верхнем отверстии ванны торчала тряпка. Может, кто-то нарочно ее туда сунул, а может, ее затянуло туда потоком. Это не имело теперь никакого значения, поскольку Жеребец протопил соседей. Быстрая четкая мысль ударила в копчик и ломящей волной разбежалась в разные стороны: «Прибегут с милицией и высадят двери. А тут сплошь ворованные вещи!»

Коньков закрыл кран и подбежал к двери. Лучший способ выйти из положения – грохнуться на колени. На Руси любят скорбящих. И лежащих не бьют.

– Простите, люди добрые, кран у меня заело, – взвыл Коньков. – Больше не повторится.

– Мозги у тебя заело! – отозвался мужик. – Чтоб ты сдох со своими друзьями!

Коньков, хотя и стоял за дверью, в такт им кивал головой. В другой раз он огрызнулся бы, но не теперь.

– Дай посмотреть хотя бы, – скреблись за дверью соседи. – Что у тебя там? Открой, тебе говорят...

Но тот стоял на своем:

– Кран перекрыт – осталось водичку вычерпать.

Соседи ломились по-прежнему.

– Я не один, – соврал Жеребец. – У меня женщина, она чужих боится.

– Ну, смотри, Геннадий! – предупредили соседи. – Последний раз вывернулся...

И отступили от двери. Некогда с чертом разговаривать.

- Не хочет харю показывать! - кричала женщина со шваброй.

- Хлебают, гаденыш... - бормотал мужик. - И главное дело, на какие шиши? Тут выпьешь с гостями, а потом месяц в кошелек заглядываешь...

- Ничего, приедут с отдыха - им и предъявим счет. С этим же бесполезно говорить...

Жеребец перевел дух. Кажись, проскочило... Но кого понесло среди ночи в ванну? Может, Матрос решил напоследок поплавать? Чует, скоро закрытой станет для него квартира, потому и решил оторваться под занавес.

- Короче... - Коньков уставился на Матроса. - Кто промочил?

- При чем здесь я? - огрызнулся тот и показал руки.

На них виднелись следы прошлогодней грязи.

Остальные тоже смотрели безвинными глазами.

- Чё будем делать? - негодовал Жеребец.

- А чё? - притворился Матрос.

- Неужели не видишь? - Коньков ткнул пальцем в сторону входной двери. - Рвать надо, пока трамваи ходят... И со шмотками решать, пока не поздно.

Ребята опустили головы, почуяв изменение климата.

- Вызовут ментов - и приплыли, - нервничал Жеребец. - Уходить надо. Чем раньше, тем лучше...

Однако Матрос, козел плешивый, лишь чмокал с похмелья губами. Улегся опять на диван и вставать не думал. Вовочка от задумчивости окривел: сидел на кровати, косясь в угол.

Жеребец чуть не плакал.

- Машину бы нам, - он опустился на корточки в ногах у Матроса. - Иначе я это шмутьё покидаю с балкона. Ночью...

- Спятил! - крикнул Матрос по-утиному.

Вагин выполз из дальней комнаты, тараща похмельные глаза.

- Ничё я не спятил, - упрямылся Жеребец. - Разгрузить надо...

- Подожди! - Матрос снова чмокнул губами.

- На хрен мне ждаты! Здесь не склад!.. - Коньков не хотел никого слушать. - Забирайте шмотки... Вам пох, зато мне не пох...

- Жеребец, ты съехать надумал, что ли? - снова крикнул Матрос.

Тот выкатил глаза:

- Не, ребята! Походу, вы не врубились. Ко мне вламываются менты, а у меня товар. «Где взял?!» А я что скажу? Нашел?!

Компания молчала.

- Все вещи ворованные... - шипел Жеребец.

- Взятые на прокат, - чавкнул Матрос.

- Не имеет значения. Так что, надеюсь, вы меня поняли...

Матрос встал с постели. От него опять ждали решения, а ведь ночью его пустили под сплав, обвинив в присвоении добытого.

Выдержав значительную паузу, Матрос произнес:

- Ночью сдёрнем.

- Точно? - не поверил Коньков, ловя его взгляд.

- Сказано - сделано, - заверил тот. - От вас помощь потребуется. Я не конь, чтобы один таскать. В общем, сегодня у нас авральные работы. Большая приборка на корабле.

- Куда понесем? - спросил Вовочка.

- Ко мне в гараж!

Вовочка тяжело посмотрел в его сторону и отвернулся.

- Но можем и к тебе часть занести, - уточнил Матрос.

У Вовочки от неожиданности шевельнулись уши. Естественно, он согласен. Мать даже не спросит, откуда взялись вещи.

- Тогда до вечера, - сказал Матрос.

Случай опять давал ему шанс подняться над остальными. Но если он поднимется, то уже никогда не опустится. Таких, как Вовочка Садовский, пруд пруди - только свистни. Один Матрос существует в единственном экземпляре. Надо постоянно помнить об этом.

Он встал и направился к выходу.

- А мы?

Матрос удивился вопросу. Ведь он не папа для этой шпаны. Пахан - другое дело.

- Чё нам-то делать? Встал и пошел... - ворчал Вагин.

- Ждите... Иначе загремите ментам на рога.

– У нас же пусто! – опять как-то странно усмехнулся Садовский. – В карманах голяк...

Матрос запустил руку за пазуху, вынул мятую банкноту, расправил.

– Вот вам! – Купюра легла на столик трюмо у входа. – Закройся за мной, Гена...

Жеребец торопливо подошел к двери.

– Когда тебя все-таки ждать?

– Я позвоню...

Матрос тихо прикрыл за собой дверь.

Коньков торопливо закрыл после него все замки – вдруг ОМОН явится, а у него квартира настежь. Его трясло. Хотелось выпить и забыться хоть на минуту. Он поднял деньги, оставленные Матросом, и обмер: в руках была всего лишь полсотня.

– Хоть следом беги! – выпучил он глаза. – Вот удружил!

– Козел плешивый... – распрямил шею Садовский.

Он поднялся и стал торопливо ходить из угла в угол, как степной шакал в клетке зоопарка, – не останавливаясь и не замечая окружающих.

– Сядь, Кочан, – попросил Коньков. – Гимнастику, что ли, делаешь?

Тот недовольно покосился на него. Сделав еще пару тычков в угол, он брякнулся на диван.

– Убью Крылатого...

– Может, толкнуть нам чего? – фантазировать Вагин. – Допустим, видеокамеру.

Пацаны замолчали. Непонятная злость кипела внутри. Хотелось выйти на улицу и выпить пива, но Матрос не велел. Опять этот Матрос. Придется сидеть.

День тянулся нестерпимо долго. Жеребец вычерпал в ванной комнате воду. Затем выбрал остатки тряпкой и вытер насухо – все хоть какая-то работа для человека. Остальные слонялись из угла в угол. Курили. Доедали остатки пищи.

По телевизору говорили одно и то же. О кражах из квартир «по ящику» пока что молчали.

Ночь приближалась с трудом, когда в дверь постучали. На площадке стоял Матрос со спортивной сумкой через плечо.

– Не ждали? – оскалился он в садистской улыбке.

– Вася, ты совсем или как? – ошетинился Вовочка. – Оставил полсотни и свалил. Чё на них купишь!

– Зато вы у меня в сохранности.

Оставив сумку у двери, Матрос прошел на кухню.

– Сам тоже чуть не прокололся, – бормотал он. – Утром вышел, а двое ментов стоят у подъезда. В общем, еле прополз мимо.

Он перевел дух и продолжил:

– Короче, договорился с одним барыгой... На машине приедет и увезет, как стемнеет. От нас только помощь потребуется – вытащить и в машину кинуть. Нормально? – От радости у него блестели лобные залысины. – Товар определяют к месту, а взамен достанутся деньги, хотя и не все сразу – остальная часть после реализации товара.

Ребята сопели. Пока торгуешься – заметут. Так что торговля им не с руки.

– Ночью сбегает. Я присмотрел там одну, – радовался Матрос. – Внутри никого. Весь день проторчал в кустах.

Матрос был трезв как стекло, и мысль у него была ключом.

– Между прочим, тот самый дом, на который ты глаз положил, – обернулся он к Вовочке.

Садовский хлопал глазами. Какой еще дом?

– Тот самый, где тарелки по стенам.

– Там же охрана...

– Вот и надо зайти. Я уже придумал, как. Но только того. Чтобы ни капли. Трезвыми надо быть. Хотя некоторые считают, что у пьяного лучше выходит.

Ребята опустили головы. Трезвость как-то не входила в их планы. Даже Коньков выпил бы пива. Примерно с литр. На первый раз.

– Смотрите сами. Я только что с улицы и мне виднее. И это всего лишь план.

Садовский, Коньков и Вагин, словно сговорясь, отводили глаза.

– Что с вами?

– Устали, – ответил Вовочка.

Матрос хохотнул надломленным голосом. Устали, валяясь на диване.

Он вышел в коридор и вернулся с сумкой. Сунул руку внутрь, вынул бутылку, посмотрел внимательно на этикетку, прицениваясь к достоинству продукта. Поставил на стол.

– Тогда давайте. Тяпнем за успех спортивного дела. Чтобы оно цвело и развивалось. Чтобы не было у нас застоя...

Садовский склонил голову на бок. Витиевато говорит Матрос – остальным так не под силу. А все потому, что у Матроса техникум морской за плечами. Иногда скажет, будто он опер на самом деле. Пусть тянет на себе бригаду. Вовочка слова больше не скажет. Зря по губам только съездил.

Следом за бутылкой Матрос вытащил из сумки копченых окуней, охотничьих колбасок пучок, несколько свежих огурцов. Он помнил о товарищах. Они бы о нем так заботились.

Парни глотали голодную слюну и молча ликовали. Матрос не забыл о них. Он им вроде отца. Даже по возрасту слегка подходит.

«Отец» тем временем поймал со стола за горлышко бутылку. Быстро смахнул с нее белую шляпку и стал разливать. Он знает, чего хочет общество.

– За успех предприятия!..

Агент по-прежнему находился дома, провожая день за днем. Закат всегда подолгу догорал за Волгой. Так долго, что делалось томительно в груди.

Вот он опять догорел. И словно бы не было дня, а только всегдашняя ночь и темнота. Звук трамвая за перекрестком.

Петр прилег на кровать, положив с краю ружье. Он не расставался теперь с оружием. Смежил веки и тут же отключился. И потом вдруг сразу же вздрогнул, проснувшись от непонятного звука. Вскочил и бросился к окну. Кажется, и спал-то совсем чуть-чуть, а пропустил момент: две фигуры брели по двору со стороны распахнутых огородных ворот.

Фигуры приблизились и замерли у крыльца. Переговариваются. Петр не спускал с них глаз.

...По началу у Векшина все складывалось хорошо. Временами Подшивалов сажал его в камеру, либо поручал иную работу – войти, например, в доверие и запомнить «героев». В остальное время Петя работал грузчиком, потому что гараж, в котором он когда-то крутил баранку, неожиданно рухнул, не выдержав

конкуренции.

Месяца три назад Векшин поступил в другую фирму. Там он таскал мешки. На первый взгляд, фирма была порядочной. Физическая работа держала тело в хорошей форме. И все было бы хорошо, если б не тот случай. Пришлось разгружать вагон, поступивший откуда-то с юга. Два тяжелых грузовика уже готовились принять груз...

...Ружейный приклад знакомо прижался под мышкой. Петр Ильич помнит его, как стал на этот скользкий путь, где кругом одна только слизь и отбросы. А он среди этой слизи. Он вынужден в ней торчать. Он пешка, которой играют... Но так не может быть вечно.

Фигуры поднялись на крыльцо – русскому человеку дай рукой посмотреть, а то он не будет уверен, пока не пощупает. Незваные гости потрогали навесной замок, спустились с крыльца, отошли к середине двора – луч света дернулся к окну и погас.

Незнакомцы подошли к уличным воротам, запертым изнутри на замок и, ступая на перекладины, перелезли друг за другом на улицу. Ломать входную дверь, как видно, не входило в их планы.

Векшин вернулся к кровати, но лечь передумал. Он взял со стола библию и отправился на кухню. Окна здесь были закрыты на ставни, так что свет не выбивался наружу. Петр Ильич сел у столика, постелил на него чистое полотенце, раскрыл библию и продолжил чтение.

Это всё, что осталось ему от отца, погибшего когда-то в карьере. Библия. «Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета». Юбилейное издание, посвященное тысячелетию Крещения Руси. И чем больше читал, тем больше изумлялся, находя для себя ответы.

«...Ангел же сказал ему: не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн; и будет тебе радость и веселие, и многие о рождении его возрадуются, ибо он будет велик перед Господом; не будет пить вина и сикера, и Духа Святого исполнится еще от чрева матери своей...»

Написано: «Не бойся...»

Он и не боится. Он хочет быть справедливым. Нехорошо, если негодяй по имени Дядя останется на плаву.

Шпиц в изумлении качнул головой: за плечами автомобильный техник, а он горе мыкает.

Глава 4

Однако попасть в престижный дом так и не удалось. Команда Матроса быстро спустила с рук добытые преступным путем вещи. В команде стали мелькать еще несколько человек. Появятся и быстро исчезают, так что Вовочка даже не мог с ними толком сойтись. Кто такие, где их найти?

Парни в знакомые не набивались – взгляды у всех тяжелые, морды кирпича просят. В карманах у них, как видно, не рогатки лежат, так что на характер таких не возьмешь.

Речь о деньгах, добытых в квартирах, больше никто не заводил – пропали денежки. Пацаны как-то раз спросили у Матроса о судьбе валюты, но тот отделался общими словами. Истратил, сказал, на «отмазку».

– Как это? – не понял Вагин.

– Абиссинский налог уплатил одному следователю, – ответил Матрос. А кого отмазывал, не сказал.

«Хрена лысого он отмазывал... – зло думал Вовочка. – Вола крутит, зараза...»

Команда беспрестанно рыскала по Новому городу, искала новые объекты. Трудно попасть внутрь, еще труднее остановить выбор на конкретном объекте. Одну квартиру неделю назад хотели обработать, однако та сорвалась в последний момент – вернулись хозяева.

Хорошо, что хоть не успели войти. Страшно подумать, пришлось бы грех на душу брать. Вовочка содрогнулся. Его трясло от одной только мысли, что когда-нибудь вдруг придется это сделать.

Матрос ходил вокруг красного кирпичного дома, облизываясь, словно кот.

– Они там думают, что закрылись, – бормотал он, задирая кверху голову. – Придется вечером сбегать

– Seriously, что ли? – не верил Жеребец. Но тот словно не слышал.

– Ото всех, думают, затворились...

Подельники заранее ликовали. Грустил лишь Коньков. У него недавно вернулись с юга родители и выбросили отпрыска из квартиры. Вернее, он сам ушел, когда его стали воспитывать – с подачи протопленных соседей, естественно. Такие дела не прощают даже министрам. Гена теперь ночевал по очереди то у Вовочки, то у Вагина. Один раз ночевал у Матроса. А в основном у Вовочки.

– Кочан с матерью инструктаж провел, и та обмякла, – хвалился он Матросу. – Она и раньше-то не больно выступала.

С наступлением сумерек бригада вольных «альпинистов» образовалась в кустах – как раз напротив того дома. В некоторых окнах уже горел свет. Через полчаса свет зажегся почти во всех квартирах, исключая лишь некоторые.

– Ничего не видно – то ли заперто, то ли открыто, – сопел Вовочка, затягиваясь сигаретой.

На этот раз Матрос к делу отнесся со всей серьезностью. Припас слесарный инструмент, фонарик аккумуляторный. И даже робу рабочую где-то добыл.

Шайка выбралась из кустов, подошла к подвальной двери у торцевой части дома. Стена здесь глухая, без окон. Окна квартир находятся за углом.

Матрос присел и стал ковыряться в винтовом замке. Перебрал чуть не все ключи, пока один не подошел. Ввернул его до конца – и замок распался на две половинки.

Вагин остался на углу. Жеребец и Вовочка полезли в подвал следом за Матросом, хотя могли и не ходить.

Лучше было бы не ходить: на первом же повороте Кочан врезался темечком в арматуру.

– А-а! В рот ты вые...– воскликнул он, щупая голову. – Шкуру содрал себе!..

– Заткнись, Кочан! – рокотал Матрос. Его не интересовала чужая голова.

Они приблизились к трубам, виднелись массивные вентили.

– Крути, – велел Матрос, светя фонарем.

Вовочка уцепился в вентиль обеими руками и начал вращать. Не в ту сторону.

– Куда крутишь! – изумился Матрос. – Правая резьба у вентиля...

В трубах слабо шумела вода. Потом звук прекратился.

– Уходим, – скомандовал Матрос.

Они вышли из подвала и закрыли за собой дверцу.

– Минут через пять двинем, – вновь прошептал Матрос.

– А если «Водоканал» нас опередит? – сомневался Вагин.

– Не успеет. Идем теперь к дверям...

И трое «слесарей, одетые кто во что, а один – в спецовку с фирменным желтым оттиском по всей спине, остановились у запертой подъездной двери. Матрос

нажал кнопку переговорного устройства.

- Кто? – донеслось из мелких отверстий.

- Водоканал! – объявил Матрос.

- Что вам надо? – спрашивал старушечий голос.

- А вам?! Без воды сидят и еще спрашивают!..

Матрос не терялся. Он знал, зачем пришел и не отступал от задуманного.

Замок щелкнул. Дверь отворилась, и команда вошла внутрь.

«Свет бы еще отключить, чтобы не пялились, – запоздало подумал Матрос. – Вот смотрит, зараза...»

Он мигнул вахтерше лучиком по глазам, и та отвернулась, неожиданно ослепнув.

- У кого-то потекло? Или вода отключилась? – интересовалась женщина.

Однако ей не ответили. Бригада вызвала лифт и уехала наверх.

На последнем этаже «слесаря» вышли на площадку и, стараясь не шуметь, торопливо поднялись в чердачное помещение. Ход наверх оказался перекрыт коротенькой стальной дверью – метр на метр всего. На ней висел такого же типа замок, как и на подвальной двери. Дом был кооперативный, и запоры, соответственно, оказались надежными.

«Только бы не пришлось ковырять тебя «лапой», – мучительно думал Матрос. Ему не хотелось оставлять следов. Вынув связку, он первым же ключом располовинил замок. Повезло. Такое тоже случается.

Они выбрались на крышу и прикрыли за собой дверь. Если ее за ними опять закроют на замок, то придется спускаться хоть по воздуху.

Кровельное железо на покатой крыше глухо ворчало.

Матрос подошел к карнизу, лег вдоль решетчатого ограждения и, уцепившись рукой за стальную стойку, свесился головой вниз. В трех окнах слева была темнота. Поднялся, переместился и вновь посмотрел, боясь допустить ошибку. Обернулся, прикидывая расположение квартиры на лестничной площадке. Оставалось сходить к выбранной квартире и проверить ее на предмет наличия хозяев, поскольку те могли просто спать. Мало ли почему не горит свет в квартире – устали и прилегли. Достаточно позвонить в квартиру и спросить, есть ли у них вода.

Взгляд Матроса остановился на Вовочке. Тот ни слова не сказал. Пошел вверх по наклонной жести, ежась от непривычного звука.

Матрос с Вагиным ждали. Вовочка не возвращался. Матрос беспрестанно смотрел на часы.

– Что он там делает, сволота?

Они уже собрались уходить, как откуда-то снизу, из-под карниза, послышался приглушенный голос:

– Чё там стоите?

Матрос вновь распластался над карнизом и посмотрел вниз: из форточки выглядывал Кочан. Обскакал на повороте, скотина.

Матрос хотел выругаться, но не смог. Не сразу найдешь для твари подходящее слово – его послали за делом, а он подобрал отмычку и вошел первым, хотя планировали спуск на веревке.

Они вернулись к чердачной двери, спустились на этаж, приблизились к двери. Та с готовностью отворилась, пропуская Матроса.

Команда принялась рыскать по квартире, однако неуютно показалось здесь Матросу. Белье уже лежало по всему полу. Подлец и есть. Облегчил квартиру.

– Отчаливаем...

– Ты чё, Матрос? Мы же только вошли, – шептал Вагин. – Давай, возьмем хотя бы телевизор.

Дураку понадобился телевизор. Матрос покрутил в темноте пальцем у виска – как выносить будешь, осел? Там же вахтерша сидит в подъезде.

– Уходим...

Он взял в руки слесарный инструмент и направился к двери. Садовский словно только и ждал, чтобы примкнуть к Матросу. Вагин с неохотой последовал за ними. Они спустились на лифте вниз и направились к выходу.

– Надолго воду отключили?! – крикнула вслед вахтерша.

Бригада вышла из дома, словно не слыша.

На улице Матрос зашагал прочь от дома, вошел в аллею и прибавил шаг. Остальные трое едва поспевали за ним.

– Не гони, Матрос!

Тот зло оглянулся. Дурачье! Парашу не нюхали. Он им покажет Матроса.

У парней взмокли спины. Матрос тоже устал. Остановился напротив многоэтажки, в кустах, и принялся разглядывать окна знакомой квартиры.

Чисто. По-прежнему ни огня. Не зря ввел в дело новых людей. Те бегают по Новому городу в поисках свежих объектов. У кого окна вечерами не светятся, кто в гости уехал, кто доход приличный имеет. Вплоть до того, какие замки на дверях, и каковы сами эти двери. Информация собиралась значительная – знай, работай!..

На этот раз они спокойно поднялись лифтом на десятый этаж. Затем оттуда на плоскую чердачную крышу.

Матрос быстро привязал веревку к воздуховоду, свободным концом обмотал себя вокруг пояса, выбрал слабинку и стал спускаться, вытупив от натуги глаза. Только бы веревка выдержала, и только бы ее не обрезали – мало ли что взбредет этим в голову.

Он опустился еще ниже и с огромным удовольствием ощутил под ногами парапет лоджии. Пригнулся, спрыгнул на площадку. Дверь с лоджии в квартиру оказалась открыта.

Осторожно ступая, он оказался в зале. Хозяева, слава богу, отсутствовали по причине концерта в другом городе. Они думали, что в квартиру можно попасть только через подъезд, они верили в стальные двери и в замки. Они надеялись на соседей, которые будто бы могут услышать и вызвать милицию.

На этот раз Матрос не спешил к выходу из квартиры. Он решил лично осмотреть ее. Приблизился к шкафу и взялся за дверцу – та жалобно скрипнула.

«Не жалуйся, – ехидно подумал Матрос. – Думаешь, мне приятно тут лазить?..»

Руки скользнули вдоль глаженого белья. Пальцы ловили мельчайшие неровности. Тут ничего нет. А там? Там тоже пусто. На следующей полке та же история. Если выбрасывать простыни, то это бросится в глаза остальным.

Пальцы вновь скользнули внутрь и сразу уперлись в отчетливый бугорок. Матрос ухватился за него и вместе с простыней вытянул наружу целлофановый пакет с деньгами.

Внутри лежали пачки. Возможно, на черный день. Матрос торопливо отправил их за подкладку куртки, а простыню аккуратно вернул назад. На большее не было у Матроса времени – подельники, вероятно, уже томились за дверью.

Матрос слегка ошибся: остальные не просто томились – они изнывали.

Войдя в квартиру, они принялись ее шерстить, и разве что пух не летел из подушек. Остальное летало и падало, оставаясь на стульях и других предметах. А в основном – на полу. Доставалось и книгам. Их брали с полок, шелестели страницами и бросали на пол.

Вовочка проверял посуду. Ему чудилось золото на дне какой-нибудь чаши – самородок самой высокой пробы.

Денег в квартире на этот раз не нашли, зато здесь оказался целый набор бытовой техники: ноутбук, планшетник, видеомagniтофон, музыкальный центр, два телевизора, а также микроволновая печь.

– Давай, стол заберем для компьютера. – Вовочка склонил голову набок. Садовский и компьютер – в этом что-то было.

– Тащи, если не лень, – согласился Матрос. – Но только вторым ходом. Вначале технику заберем.

Собрав имущество в узлы, они вышли из квартиры. Мощная дверь в потоке воздуха, тихо щелкнув, закрылась.

Гадство. Садовский твякнул от обиды.

– Чего ты? – не понял Матрос.

Но Садовский промолчал. Ради стола не стоило вновь рисковать. Зато у него оставался компьютер. Он тащил его на спине.

На улице к ним подошел Коньков. По причине плохого настроения он вторично за сегодняшний вечер охранял двери подъезда.

Группа дошла до угла и остановилась. Заранее было решено, что каждый будет забирать теперь то, что лежит на плечах. Потом разберутся. В спокойной обстановке.

Матрос был весел. Он часто посматривал на луну и улыбался. Давно полной луны не видел, шизоид. Это обстоятельство не ускользнуло от Вовочкиных глаз.

Коньков оставался при своих: ни денег, ни тряпок, ни каких-то других вещей – это же ясно как божий день. Зря плясал у подъезда. Хотелось выпить.

– Может, угостишь, Матрос? – спросил Вовочка.

– Вещички бы только прибрать, – проговорил тот, перестав улыбаться.

Ребята обрадовались.

– Куда пойдем? – спросил Матрос.

– К тебе, – ответил Вовочка, соображая с опережением. – У всех были, а у Матроса пока что нет. Интересно, как живет Бушуев Василий Андреевич...

– Через полчаса подходите, – согласился тот, разворачиваясь в сторону своего дома.

Вскоре они действительно сидели на кухне в квартире Бушуевых. Двое детей спали. Супруга приготовила закуску и тоже легла. Судя по ее настроению, компания не очень-то ее беспокоила.

– Завтра опять сбегает, пока менты не опомнились, – говорил Матрос. – Жеребец раздетый совсем. А скоро в школу...

Он хохотнул.

Посуда опять звякнула, и пьянка началась

– Я обстановку знаю, так что опять первым пойду. Вы там заблудитесь. – Матрос сморщил лицо. – Губа до сих пор болит. У-у-у! Видишь, как разнесло?

– Рассосалось давно, – отвел глаза Садовский.

* * *

...Назавтра они вновь торчали на крыше. Матроса трясло после вчерашней выпивки. Обмотав себя веревкой по поясу, он стал опускаться к кухонной форточке. Именно она оказалась в квартире открытой. Предстояло изловчиться,

чтобы попасть ногами на покатый жестяной подоконник.

С большим трудом Матрос опустился до подоконника и попытался протиснуться в форточку. Однако тело, заплывшее после пьянки, не хотело гнуться. Кроме того, мешал веревочный узел на животе. И Матрос, держась одной рукой за окно, другой рукой с трудом развязал веревку.

Избавившись от узла, он скакнул было в форточку, но вместо этого ударился головой в верхнюю перекладину и едва не потерял сознание. В мозгах плыло. Звезды разбегались в разные стороны. Матрос ругал себя: дурак, отвязал веревку...

Придя в себя, он боком протиснул плечи в узкую форточку, рискуя переломать о перекладину ребра. Форточка оказалась высокой, но узкой. Кожа и мышцы горели. С трудом протиснув плечи, Матрос вполз в помещение и, повиснув головой вниз, уперся руками в подоконник. Потом перенес туда ногу, затем вторую, ухватившись за ручку рамы.

Слава тебе... Приземлился, кажись.

Обессиленный, он сел на табурет и, едва отдышавшись, направился к двери. На площадке в полумраке стояли пацаны. Лампочку, естественно, выкрутили. Отблески света шли с нижнего этажа.

Матрос отворил дверь и тут же, не оглядываясь, возвратился на кухню. Распахнул холодильник, достал бутылку водки, распечатал, налил себе целый стакан и торопливо выпил. Затем опустился устало на табурет и так сидел, глядя в пол, и впитывая в себя алкоголь всеми клетками пищевода.

Мимо ходили чьи-то ноги. Но Матрос не обращал на них внимания, продолжая страдать. Напоролся на обстоятельство как какой-нибудь сумочник, едва не спикировав на асфальт.

Он сидел и молчал. Даже закусить ничем не хотелось.

Подошел Садовский и доложил: пора уходить. Все вещи сгребли. Денег не нашли.

Матрос поднялся и снова сел. Его вело. Тело сделалось пластилиновым. Вот неудача: голова соображает, а ноги нет. Не слушаются ноженьки.

– Идем, говорю, – ворчал Садовский. – Выйди хотя бы из квартиры, а там хоть уподи под дверями. Меня это не касается.

– Я выйду... Сейчас выйду, – бормотал Матрос. – Ты мне только подмоги.

Вовочка, с узлом на спине, подхватил компаньона под мушку и потащил за порог. У того ноги тащились волоком. Тут, как говорится, хоть мордой об асфальт, но только бы уйти. Упился обмылок...

Щелкнули тихонько дверной защелкой – и дай бог ноги! С грузом – в лифт. И вниз без задержки.

Гена Коньков, стоявший в подъезде, подхватил Матроса себе на спину и потащил. Прочь от злополучного места! Можно было оставить Матроса на скамье или хотя бы под березой, но разве же бросишь товарища.

И Гена тащил, исходя потными струями. Через пятьсот шагов он обессилел и повалился на ближайшую скамью. Тащить предстояло в несколько раз больше.

Вовочка возвратился.

– Чё он?

– Как видишь. Не двигается...

– Тогда жди...

Проговорил и снова исчез.

Гена повесил голову. Легко сказать, жди, когда на руках такая недвижимость. Первый же экипаж заметет обоих – хотя бы за то, что один из них в неменяемом состоянии. Заставят на «рояле» сыграть – пальчики снимут. И считай, что кончена карьера молодого полузащитника. Отпрыгал возле подъездов.

Вовочка, как обещал, скоро явился. Да не один, а с носилками – легкими деревянными палками из корявой ошкуренной березы и тонкими поперечинами.

Вдвоем они ухватили Матроса за плечи и ноги и опустили на носилки. Ничего, что руки висят по бокам. Главное – чтобы голова не болталась.

Подняли и понесли ногами вперед, словно покойника. Потом до них дошло: что-то не так они делают. Развернули носилки и продолжили движение пустынными улицами.

Притащили домой к Вовочке. Нина от неожиданности принялась тихо выть.

– Глохни, – сказал ей сын и добавил: – Жертва Гиппократата...

– Не жертва я, а служанка. И то бывшая.

– Какая разница... Гуляй отсюда...

И бывший фармацевт – прапорщик в запасе по своей специальности – послушно удалилась к себе в комнату. Хорошо, что хоть не труп притащили в квартиру. Паразиты...

Вовочка тем временем выворотил у матери все карманы одежды, висевшей в прихожей, и не нашел ни рубля.

– Дай на бутылку! Завтра отдам. – Вовочкин голос не допускал возражений.

– Да что ты, Вова. Откуда у меня...

Мать решила ни за что не давать денег – сам пришел, этих за собой приволок... И еще на бутылку дай?

– Последний раз спрашиваю... – Глаза у Вовочки стекленели. – Парафинить надумала?

Он вошел к ней в комнату, поймал жесткими пальцами за тонкую шею. Мать вскрикнула от обиды и собственного бессилия. Ничего она не может поделать. Сейчас – разорвала бы гаденыша, а завтра опять будет жалеть. До самозабвения.

Рука у Нины скользнула за пазуху.

– Подавись ты... – Мятая пятисотка упала на пол. – Последняя, чтоб ты знал!

Лицо у матери дернулось, из глаз брызнули слезы.

– Подними и подай по-человечески, – куражился сын, не обращая внимания на уговоры товарища. Жеребец держал его за локоть.

– Ты еще тут! – толкнул его в плечо Вовочка и прошипел: – Не вмешивайся...

Подняв с пола деньги, он сунул себе в карман.

– Жди меня и я вернусь, – ощерился Садовский в улыбке и вышел из квартиры.

На кухонном диване лежал ко всему безучастный Матрос, рядом за дверью стояли носилки – Нина недавно притащила их с работы для дачи. Она никогда не думала, что на них принесут ей в квартиру сорокалетнего Матроса.

«Господи, что за жизнь, – рыдала, лежа на кровати, Нина. – Муж оказался дерьмом, и сын не лучше. Утопиться от такой жизни...»

Сынок буквально через десять секунд прискакал назад. Радехонек. Водки литр купил. Пить, так уж чтобы с копыт долой.

Вовочка полез в холодильник. Вытащил оттуда сковороду с жареной рыбой и поставил на плиту. Разогрел – и на стол. Ешьте, люди дорогие. А то ведь вы проголодались.

На стене часы показывали цифру три. Нина заглянула на кухню. Парень, что живет теперь с Вовочкой, запустил невымытые пальцы в сковороду. Хоть бы ополоснул свои грабли под краном. Удалось же соткнуться двоим сумочникам.

Тащат в квартиру всё подряд, начиная с женских трусов и кончая музыкальными центрами. Разошелся сынок не на шутку. Лучше бы уж действительно в армию ушел...

Мать развернулась и вышла.

Мужик храпел на диване, закатив глаза. Храп доносился до спальни. Нина не выдержала, встала с кровати и опять вышла на кухню.

– Слушай, ты, – обратилась она к сыну. – Сколько можно?! Мне утром на работу! С какими мозгами я пойду?!

Она заплакала, прислонив голову к косяку.

– Брось, прекрати!

Вовочка скакнул из-за стола к матери.

– Сейчас же перестань, иначе я выброшусь из окна...

Упрямый сын знал, на что давить в нужный момент.

– Заклейте ему рот, – вдруг предложила Нина. – И сами не орите...

– Ты чё? Того? – уставился на нее Вовочка. – Иди и закрой дверь. А в уши вставь вату. Иди. Утром поговорим. У меня товар для тебя... Ты меня поняла? Иди и спи. А про работу можешь свою забыть. Не нужна тебе никакая работа...

Нина кое-как размазала по лицу слезы и ушла спать. Спасибо. Утешил. Она уже видела в квартире вещи. И деньги у сына брала.

Садовская вставила в уши комочки ваты и легла в кровать. Через короткое время она действительно уснула. Помогло.

Утром, едва прозвенел звонок, она встала и вышла из спальни. Мужик лежал на кухонном диване и уже не храпел. Стол был завален рыбьими костями, в

пепельнице возвышалась гора окурков, а в воздухе стоял запах горелого табака.

«Окно хоть бы открыли, идиоты...» – отрешенно подумала Нина.

Сын с товарищем спали в зале. Стараясь не шуметь, хозяйка умылась и отправилась на работу. О завтраке она и не думала. Кусок в горло не шел. Она думала о сыне. Потом подлец будет просить прощения у матери, а Нина еще подумает, стоит ли его прощать, негодяя.

Она вовремя пришла к своему киоску и принялась снимать с окон стальные щиты. Рабочий день для базарной торговли наступил. Она давно мечтала о такой работе. Можно и своим товаром чуток торговать.

Хозяина киоска она знала давно – это бывший заводской мастер. Он глаза закрывает на торговлю неучтенным товаром. Если бы Вовочка принес, например, даже ящик кофе, мать бы его продала. Легко и без зазрения совести. Но у него почему-то лишь электроника и тряпки. Если бы он не притащил в дом этого мужика на носилках, не пил так часто и был бы немного ласковей, Нина заботы бы с ним не знала. А ворованные вещи – так ли уж часто в последнее время ловят воров? Что-то не слышно вовсе. И людей она тех не знает, у кого украли.

* * *

Вагон стоял в тупике на служебной железной дороге. Это была промышленная площадка бывшего авиационно-промышленного комплекса. Комплекс давно распался на множество крупных и мелких юридических лиц, так что в подобном омуте спросить теперь было не с кого.

Прибыв на место, Шпиц узнал и депо, и будку охраны, и помещение конторы. Оставалось самое сложное – позвонить Подшивалову.

На дверях вагона висели пломбы, двое менеджеров ждали приезда кого-то третьего. Еще четверо стояли по углам вагона в форме охранников.

Агент выбрался из микроавтобуса и, заметив крохотное сооружение из неокрашенных досок с покатой крышей, сразу направился в ту сторону. Это был туалет.

- Ты куда? - шарахнулся в его сторону один из охранников.

- Где у них тут?

Агент вдруг понял, что совершенно не волнуется, что нет теперь силы, способной остановить его. Он вошел в туалет, присел, вынул из-за плотной резинки носка сотовый телефон, убрал блокировку сигналов и нажал пару кнопок.

Маневровый локомотив с грохотом ползал по соседним путям.

- Служебная дорога на промлощадке, - говорил Шпиц. - В ста метрах от депо.

- Понял, - ответил Подшивалов. - Скоро будем...

Снаружи вдруг раздался шорох, и дверь, сорвавшись с крючка, со скрежетом распахнулась.

* * *

...Петр Ильич провел за чтением всю ночь и уснул лишь под утро. Проснулся ближе к обеду, поднялся с кровати и взял ружье, всю ночь пролежавшее возле стены поверх одеяла. Подошел к окну, поставил ружье рядом с косяком и распахнул обе створки. На дворе зеленела трава, обе двери сарая были настежь распахнутыми. Трава заметно примята.

Петр сел на подоконник, перенес ноги наружу, спрыгнул на землю вместе с ружьем и направился к сараю. Там у него было укромное место для ружья - под потолком, в сухой нише, прикрытой с боку доской с массивными шляпками гвоздей.

Убрав ружье от посторонних глаз, он двинулся в огород. В кармане лежал пластиковый пакет с документами и деньги, оставшиеся от проданной недавно старенькой «Нивы». Он решил больше не звонить Подшивалову, а идти к нему напролом. Он никогда так не поступал, хотя мог бы. Тот разговор по сотовому телефону до сих пор звенел у него в ушах.

«Понял, – ответил тогда Подшивалов. – Скоро будем...»

Это «скоро» едва не стоило Векшину жизни. Впрочем, потом было еще смешнее...

Глава 5

Не напрасно Матрос приобщил к делу еще нескольких человек – с их помощью налаждался сбыт «темных» вещей. Но и работы прибавилось – только крутись.

Походка у Вовочки сделалась важная, взгляд исподлобья, тяжелый – не каждый выдержит. Отец у него к этому времени перебрался из Силикатного к бабке Садовской, однако этот факт не интересовал Вовочку. Был отец – и словно бы не было никогда. Осталось одно лишь прозвище – Скакунок. Мать часто вспоминала, как однажды тот посадил сына на мотоцикл – и так прокатил Вовочку, что ключицу сломал бедному ребенку.

Отношения с матерью у Вовочки опять наладились. Чисто деловые у них теперь связи. Пришел-ушел. Получил расчет. Передал часть заработанного – и опять в путь. У Нины сердце пело. «Люди зарабатывают деньги, как могут...» – думала она.

Если бы не подлая эта привычка – игра в карты под «интерес» – цены не было бы сыночку. За одну ночь Вова мог спустить целое состояние.

«Раздавила бы как клопа!» – впопыхах думала Нина, жалея проигранные недавно деньги. Сын опять сел на мель, и только очередная крупная кража могла бы вывести его из трудного положения. По всему видно, проиграл много. И должен остался.

Нина слышала, что карточный долг свят. Чует материнское сердце: сел на крючок Вова. Причем довольно плотно. Это ему не карты веером пускать между пальцев.

«На хитрую попу есть хрен с винтом», – любил Вовочка повторять.

Оказалось, на хрен с винтом попалась попа с закоулками...

* * *

Вовочка с командой Матроса долго кружился вокруг одной привлекательной квартиры.

До этого успели очистить квартиру районного прокурора. Шайка заранее знала, куда лезет. Но это не остановило квартирных воров, а лишь подогрело воображение. Прокурор казался им жертвой, заслуживающей пристального внимания.

Забрались к нему наглым образом, среди бела дня, через форточку, – тот жил на первом этаже. И покинули квартиру с чувством глубокого разочарования: всего тысяча рублей и двести «зелеными» оказалось внутри.

– Наверняка деньги в банке хранит, – подвел итог Матрос. Ему было точно известно, что жена у прокурора являлась соучредителем одной торговой фирмы. Богатенькая, должно быть, фамилия – и вдруг такая невезуха.

В органах массовой информации скупно сообщили о краже из квартиры прокурора и ни словом не обмолвились о долларах. Словно не было их никогда. Померещилось пацанам.

...Вовочка на этот раз приглядывал снаружи, остальная часть группы работала на объекте. Квартира принадлежала брату прокурора. Было точно известно, что в квартире богатства не меряно – электроника, одежда импортная. А главное – баксы. Стопками лежат в сейфе. Сейф вмонтирован в стену и прикрыт картиной «Иван Грозный убивает своего сына Ивана». Картина никакой ценности не

представляет – это всего лишь уменьшенная копия.

Квартира у брата находилась тоже на первом этаже. Братья словно сговорились жить не выше первого этажа. Зато под балконами у обоих родственников оказались погреба.

Расположение объекта создавало трудности. Основная из них – постоянное наличие около дверей посторонних лиц. То старухи бродят сверху вниз, то пацаны бегают. Однако проникнуть в квартиру в другое время не представлялось возможным – братец любил вечерами сидеть дома, дачи не имел. Вероятно, он пересчитывал вечерами новенькие купюры, наслаждаясь запахом краски, и отправлялся после этого спать. Возможно, он даже догадывался, что о состоянии знают другие, и потому испытывал садистское наслаждение. Как бы то ни было, о состоянии теперь знала команда Матроса. Уж они точно прекратят это издевательство. Они просто обязаны.

Налет на квартиру готовился долго. Сначала ходили вокруг да около, приглядываясь издали. Потом потеряли чувство осторожности, и стали бродить под окнами. Следовало выяснить, имеется ли сигнализация. Она могла быть и в квартире, а также у сейфа. Второе значительно осложняло вопрос, потому что подельников могли застать на самом интересном месте.

– Из квартиры должен идти провод! – брызгал слюной Жеребец. – Провода нет – значит, нет сигнализации!

– А как же сейф? – удивлялся Матрос.

– Может, нет никакого сейфа! – горячился тот. – И вообще, может, все это липа на счет квартиры. Кто тебе свистнул, что там бабки лежат? Он, может, последний хрен доедает, братец прокуроров.

Высказался и замолчал, не глядя в сторону Матроса. В электрических делах Жеребцу не было равных – хоть пусть это будет сам Матрос.

...Вовочкины «танцы» возле объекта продолжались примерно полчаса, когда из-за угла вдруг показались две гражданские автомашины – уазик и жигули. Они двигались на повышенной скорости.

«Черти разъездились!» – выругался про себя Садовский, с удивлением понимая, что у машин скрипят тормоза.

В ту же секунду дверцы отворились, на тротуар высыпало сразу несколько человек – рожи у всех озабоченные. В другую секунду Вовочка уже лежал лицом на истоптанном газоне, а ногами на твердом асфальте. Руки в плечевых суставах ломало от боли, на запястьях трещали наручники.

– Больно, гады, – успел возмутиться Садовский, прежде чем снова ударился носом в твердый грунт.

«Ладонью в затылок стукнули», – догадался он.

– Вставай Кочан! – потребовал голос.

Вовочка шевельнул головой, попытался встать, но не смог.

Безжалостные руки уцепили сзади наручники и, заставив вскрикнуть от боли, подняли Садовского кверху. Но распрямиться не позволили – перед глазами была лишь земля. От сильной боли в суставах хотелось бежать. Он кинулся вперед и, не глядя, угодил лицом в сиденье уазика.

– Скотина, – ворчал за рулем мужик. – Всю машину изгадил...

Из подъезда вывели Матроса. Вид у него был жалок. Его конвоировали через загиб руки за спину. Подвели к машине и положили. Лицом в каменный асфальт. Вовочка не верил собственным глазам.

– Какое вы имеете право! – возмутился он.

Водитель повернулся к Вовочке:

– Говорят, ты превосходный «шпилист»? Хочешь сыграть? В подкидного дурака?

Вовочка опустил голову.

- Тогда сиди и молчи...

Матроса подняли, стали сажать в машину, но тот вдруг стал вырываться. Не хотелось «крылатому» идти на нары. Он это понимал всем сердцем и потому кричал. Он просил помощи, заметив посторонних людей.

Народ толпился в стороне, смотрел во все глаза, но близко не подходил.

В машину заглянул какой-то возбужденный узкорылый мужик и спросил.

- Сидит?

- А куда он денется, - ответил водитель.

- Ушли два черта, - вздохнул мужик. Он прыгнул на первое сиденье и приказал водителю:

- Возвращаемся на базу...

- Как с остальными, Григорий Олегович?

- По-прежнему, - уклончиво ответил тот...

Вскоре Подшивалов сидел у себя в кабинете, а подозреваемый по кличке Кочан стоял перед ним у стены. Двое оперативников молча сидели по углам. Их словно бы не интересовало происходящее в кабинете. Подшивалов задавал вопросы задержанному, а тот не хотел отвечать. С какой стати он обязан. Без адвоката он вообще не пойдет на базар.

- Зря так, Володенька... - бормотал Григорий Олегович. - Мы с тобой как с человеком, а ты на контакт не идешь. Что с тобой? Тебя в детстве не роняли? Но, может, ты в погреб падал?..

- Не буду ничего говорить, - твердил Садовский.

Он был абсолютно уверен, что не добьются от него показаний. Подумаешь, какой-то Григорий Олегович лично взялся допрашивать...

– Может, ты думаешь, что ты партизан и попал в гестапо? – вновь спросил Григорий Олегович. – Тоже нет? Тогда я отказываюсь понимать. Но запомни, Володенька, времени у нас мало.

Вовочка слушал. От напряжения шевелились уши.

– Сколько человек в вашей шайке? – нажимал Подшивалов. – Сколько намолотили за сезон? Всего два вопроса. Облегчи душу. Ведь знаешь, как бывает хорошо, когда облегчишься...

Григорий Олегович продолжал бормотать. Это вообще был не человек. Это был какой-то сплошной милицейский триумф. Всё у него на своем месте лежало. Он даже судьбу Вовочки угадал, сказав, что отправит его за решетку сроком на пять лет.

Вовочка не поверил.

– Как это на пять? Я пока что не попадался...

– Вот именно... Пока что! – повысил голос Подшивалов. – Но ты позабыл, за тобой числится не одна квартира! Будешь говорить или нет?!

– Не буду! – однозначно ответил Садовский и отвернулся. Хоть на куски его режьте. Не тот он человек, чтобы своих сдавать.

– Хозяин – барин: хочет – живет, хочет – удавится... – произнес Подшивалов бесстрастным голосом. – В машину!..

Вовочку вывели в сопровождении двух молодых оперативников. Те всего года на три старше Вовочки, а ведут себя, словно только что с Марса прилетели. Или с Луны. Водитель машины тот же. Подшивалов сел спереди, положив на колени папку и портативный магнитофон.

«Музыку слушать по пути собрались, – сказал сам себе Вовочка и усмехнулся. – Нашли время...»

– Куда? – обыденным голосом спросил водитель.

– А всё туда же, – ответил Подшивалов и отвернулся к окну.

Машина выехала со двора и пошла в сторону парка «40 лет Комсомолу». Прямоком вошла с городской дороги на центральную аллею и направилась мимо беззаботных редких прохожих.

Пешеходы недовольно отходили с проезжей части. Впереди мелькнула громадная серая масса воды и снова пропала – машина повернула с аллеи направо. Мелькали сосны, кустарники.

Машина опустилась в просторную котловину, поросшую сосняком. Вокруг низины желтел высокий забор. Машина уперлась в неказистый сарай и остановилась. Когда-то в этом месте располагался пионерский лагерь.

– Вылезай, приехали...

Вовочку, словно вещь, вынули из машины, поставили спиной к широкой сосне – та росла прямо в сарае, раскинув крону высоко над крышей.

Садовского трясло. Для чего-то ведь прислонили к дереву. У корневищ торчала из земли широкая ременная петля.

– Володенька, не заставляй брать грех на душу, – принялся за старое Подшивалов. И уставился, как удав, в самую душу.

– Будем говорить? – еще раз спросил.

Однако Садовский упорствовал. Ему до лампочки ментовские штучки. Он человек слова.

– Не обижайся, но мы обязаны так с тобой поступать, потому что ты гад, Вова, – тихо говорил Григорий Олегович. – Еще раз спрашиваю – будешь говорить

добровольно?

Вовочка отвернулся, лихорадочно блестя глазами.

– Ну что ж... – вздохнул Подшивалов. – Ты сам выбрал дорожку...

Садовский вдруг понял, что с ним случилось что-то нелепое. На голову ему надели какой-то мешок. На обе ноги тоже что-то надели, кажется, веревки – на манер конских пут. Менты боятся, что он сбежит. Ну и дурачье. Значит, не убьют. И если искалечат, то ответят сполна.

Уазик завелся, хрустнул коробкой передач.

– Давай по малой, – командовал Подшивалов.

«К сосне решили прижать. Машиной...» – запоздало подумал Садовский. И тут же понял, что ошибся, потому что машина шла в другую сторону. На пониженной передаче.

Путы вдруг напряглись, и ноги у Вовочки двинулись в разные стороны. Кочан попытался устоять, но тут же упал задом в песок. Машина продолжала работать, ноги у Вовочки тихо двигались в разные стороны.

До Садовского дошло: на шпагат хотят посадить! И крикнул:

– Хрен вам на глупую морду!

– Это он сгоряча, – пояснял Григорий Олегович.

Вовочка внутренне ликовал: не получится у ментов подавить его волю.

Машина остановилась, потом вновь пошла, и почти сразу же Вовочка взвыл. Он верещал, как сорока на колу, изо всех сил пытаясь изменить положение тела, но это не удавалось, и ноги неумолимо расходились в разные стороны.

Казалось, еще секунда, и трепещущая развилка треснет вдоль задницы, как лопается чурка при ударе колуном.

О боже! Машина остановилась, но и назад не движется. Еще миг, и Вовочка просто скончается. Боль вселилась у самой развилки тела. Еще немного, и наступит конец. Это несовместимо с жизнью.

Двигатель заглох. Слава тебе, господи! Но сил всё равно нет у Вовочки.

- Что с ним делать? - спросил чей-то голос. Кажется, это был водитель.

- А давай его утопим. Все равно мы его порвем на части... - предложил чей-то голос.

- Не возражаю, - согласился Подшивалов. - Для гадов одна дорога...

Возле уха клацнул затвор. Вовочка сжался, и тут в него выстрелили. Так быстро, что некогда было думать. Садовский понял, что умирает, потому что в голове звенело. Странно, конечно, потому что, кроме звона, он слышал голоса:

- Мазила! Дай я...

И Садовский сдался. Однако он не получил облегчения - ноги оставались в прежнем положении.

- Не надо! - кричал он дурным голосом. - Я расскажу! Можете меня убить, но сначала отпустите. Отпустите сейчас же, иначе скончаюсь! Сейчас я помру!..

От страха и боли у него лязгали зубы, а голос казался чужим. Вовочка не узнавал себя и ничего уже не мог поделаться. Он треснул до самой головы через заднюю часть, хотя никогда в это не верил.

- Я расколюсь! Честное слово, дядя Гриша. Вези меня обратно, на Петровку. Умоляю...

- А где это находится? - прикинулся Подшивалов. - Петровка какая-то. Мы разве в Москве?

- Ну, эта... Врача Михайлова, которая. В мусарню, короче, вези... быстрее...

- Так ты уже мертвый. Списали тебя... - куражился Подшивалов. И, обращаясь к другим сотрудникам, предложил: - Разорвем его на части и выбросим в реку - хоть толк будет для природы.

Вовочка продолжал просить о пощаде. Лицо вымокло. Как на грех, текли сразу сопля и слезы. Вовочка давился ими захлеб. Только бы отпустили.

- Может, поверим? - осторожно подал голос водитель. - Пока соплями не изошел...

Дядя Гриша, вероятно, сделал отмашку, потому что машина вновь завелась и пошла в обратном направлении.

Мешок с Садовского сняли.

- Ну, как тебе королевский шпагат? - спросил водитель. - Говорят, помогает от мигрени...

Вовочка был подавлен. Он подпишет все, только бы вновь не пытали.

Однако оперативники пока не торопились из леса. Вовочке сунули микрофон и предложили рассказать, как Вова бомбил квартиры, как опускался по веревке к окнам. Абсолютно всё и в деталях, включая сообщников. О тех - в первую очередь.

- Не терзайся, Володенька, - успокаивал его Подшивалов. - Не ты один такой. Человек слаб и обычно признается. Правда, мужики?

- Конечно, дядя Гриша, - торопясь, отвечал за мужиков Садовский.

- Вот я и племянником обзавелся... - Подшивалов усмехнулся.

Через час обессиленного Садовского привезли назад и водворили в изолятор временного содержания.

- Может, тебе врача вызвать, Володенька, - спросил Подшивалов.

Садовский удивился. Слава богу, ноги не оторвали. Поневоле согласишься после этого в Гестапо, Абвер, Пиночета и других. И еще говорят, что в милиции не пытаются. Интересно, как вел себя на допросе Матрос? Раскололся, должно быть, до самой жопы.

Среди ночи в конце коридора послышался вопль. Вовочка проснулся от крика, и мороз побежал по коже. Кричал Матрос.

- Кочан - козел! Ты сдал меня ментам! Крышка тебе будет!

- Сам ты козел! - ответил ему Вовочка. - Причем плешивый!..

Он отошел от стальных дверей и лег спать. Жизнь у Володеньки теперь точно будет другой. Она будет размеренной. Не будет в ней больше места матросам и прочим дикарям.

Матрос еще несколько раз пытался орать. Дежурному наряду надоело слушать. Матроса вывели из камеры и, для успокоения, принялись парить резиновой дубинкой. Слушались глухие удары.

- По ребрам ему, - учил голос в коридоре.

Тот, что орудовал дубиной, молчал. Зато от боли и унижения надрывался Матрос.

Потом удары прекратились, и Матрос замолчал.

- Спи теперь. С наручниками на лапах.

- За что?! - интересовался Матрос.

- За это самое! - бодро и весело отвечали ему. - За галдеж среди ночи. Еще добавить?

Ну что вы. До Матроса вдруг дошло, что дубинка во времена демократии – самый веский аргумент.

Глава 6

Нина Садовская рвала на себе волосы: сын попался в милицию. Причем не просто за хищение кошелька, а за кражу из квартир. Сколько в стране воруют – на нем одном свет клином сошелся. Почти двадцать эпизодов на него одного повесили. Говорят, он организатор и подстрекатель, хотя в это невозможно поверить. В форточку забраться – да, способен. За вином сбегать среди ночи, в карты кому-нибудь проиграть...

– Присудят – и будет корячиться всю оставшуюся жизнь, – стонет она, жалуясь Печкиной Ирине по телефону.

– Ты-то здесь при чем? – успокаивает ее Печкина. – Он же взрослый у тебя, и ты не обязана.

– Буду платить... А куда я денусь! – твердит Садовская. – Обиднее всего, что другие воруют и не попадают...

– Так-то оно так... – вздыхает Ирина, отлично понимая, что племянник превзошел своего отца. Скажунок ему в подметки не годится.

– Многие занимаются этим бизнесом, а споткнулись на Вовочке, – стучит глоткой Садовская. – Не виноват он вовсе. Стоял, может, в сторонке, когда другие лазили. Матросик какой-то был. Откуда только черти принесли переростка – на двадцать лет Вовочки старше. На носилках подлеца таскали. Надо было выбросить скотину из окна. За него и не дали бы, может, ничего...

Нина положит трубку и снова в слезы. И только во сне слегка забывается. Зато остальной родне хоть бы что. И отец Вовочкин молчит. Переехал к матери из Силикатного и скачет по Новому городу. Ему Нинины проблемы до лампочки. У него один сказ: «Я его туда не посылал... Алименты платил исправно, так что обвяжись...» Остыл, в общем, человек.

Не повезло Нине с мужем. Не любовь у них получилась, а сплошной оргазм. То расписываться придумал кровью, то сына давай катать с пьяной мордой, что даже ключицу сломал. Теперь ему всё равно, а ведь спасать надо. Посадят – не скоро выйдет. Двадцать эпизодов...

К Нине на днях нагрянула группа из милиции – обыск надумали делать. Поздно хватились! Нина сразу же спустила с рук «темные» вещи. Хоть какая-то копейка будет для Вовочки.

Теперь перед Ниной встала другая задача – найти адвоката. Чтобы дешево, но сердито. Нет у нее денег на дорогого защитника. Муж у Печкиной Ирины вот уже года два как отслужил в органах. Милицейскую пенсию получает и работает в какой-то конторе. Клиентов у него, правда, не много – совестлив больно. Однако для Вовочки и этот сойдет. Тем более что за двадцать краж не видать Вове свободы как своих ушей. Однако без адвоката нельзя. Упрекать станет. Будет гвоздить, что денег пожалела. При том что от бесплатного адвоката, предоставленного следователем, одно сотрясение воздуха.

Так и сделала Нина. Принялась уговаривать, и Печкин согласился. Нина кинула ему на пол четыре тысячи, как собаке.

– Не обижайся. Обычай вроде такой, чтобы деньги водились. Хе-хе...

Смеялась она вообще громко. Заливисто. На людях. А дома, закрывшись на все замки, тихо выла.

Дело в суде несколько раз откладывали. Подсудимых набралось четверо человек. Кроме того, в розыске находилось еще несколько, не имевших ни имени, ни фамилии. Это были те самые господа, которых Матрос набрал со стороны. Те помогали от вещей избавляться и деньги тратить. В отношении них из уголовного дела было выделено отдельное производство, поскольку вопрос, куда делось похищенное имущество и деньги, так и остался невыясненным.

На предварительном следствии Вовочку несколько раз возили в парк – память освежить. Даже противогаз давали носить – с перекрытым шлангом. Чуть коньки не отбросил. Но Садовский больше ничего не смог прояснить для следствия, хотя очень старался. Всем сердцем желал.

К сорокалетнему Матросу методы устрашения не применяли. Здоровьем слаб оказался. Вначале ему вроде пытались перекрыть кислород, но при виде противогаза Матрос побелел лицом и повалился на пол. Подшивалов плеснул на него воды из графина, вызвал скорую помощь. Медики, заглянув в закатившиеся зрачки и смерив давление, вдруг заявили, что забирают Матроса для госпитализации. Естественно, следовательно, ведущий дело, Матроса не отдал. Не для того ворюгу ловили, чтобы отпускать. Ему же надо отделение охраны приставлять.

Подследственного откачали, сунув под нос нашатырь.

...Наконец судья Николаев собрал всех в кучу – подсудимых и потерпевших – и начал судебное следствие.

– Слава тебе, господи, – радовалась Нина. – Может, рассмотрят... Чуть не год сидит в камере. Ноги гниют...

– Надо думать, рассмотрят, – поддерживал Печкин...

При рассмотрении уголовного дела потерпевшие заявили иски – защитники, естественно, с исками не согласились. Вещи подержанные! Как можно просить за подержанную вещь такие деньги?!

– Профессиональная телекамера, говорите? – изощрялся защитник со стороны Вагина. – Вы что, оператор со студии? Нет? Может, у вас документы на камеру имеются?

– Да нет, – отвечала Ландыш Ибрагимовна.

– Ни имеются... – радовался защитник. – Понятно... Прошу занести в протокол.

Защитникам легко антимонопольно разводиться. Они за ворами не гонялись. На то они и адвокаты, чтобы защищать, несмотря на то, что одна из потерпевших – их же коллега.

Ландыш Ибрагимовна вся пятнами изошла, пока давала показания.

– Меня беспокоит вопрос, – продолжал другой защитник. – Почему на момент осмотра вы говорили об одной сумме похищенного, а теперь обозначена совершенно другая сумма? Цена у вас выросла, что ли?

– У нас инфляция в стране! – взорвалась потерпевшая. – Какой теперь рубль?! Неужели не знаете?!..

Пятна на ее лице рассосались, и лицо стало однотонно розовым.

– Какая у вас зарплата? – донимал адвокат.

Судья терпеливо молчал.

– Для чего вам это?! Меня, что ли, судят?! – громко удивлялась потерпевшая.

– Вот именно... – согласился с потерпевшей судья Николаев.

Не поднимая глаз, он перебирал здоровой рукой бумаги. Вторая рука, с детства культия, лежала рядом в бездействии.

Однако реплика судьи защитника не смутила. Должен же он разобраться. Может, коллега не могла купить этих вещей, о которых заявила. Такое часто случается.

– У вас всё? – сухо спросил судья.

– Пока да, ваша честь... – осекся защитник.

Судья раскрыл дело на одном из вкладышей.

– Бушуев, встаньте. Поясните суду еще раз. Как вы очутились в квартире Помойкиных? Говорят, вы там тоже бывали...

Матрос приподнялся над барьером и уставился в зал невидящими глазами.

- Подтверждаете такое дело? Были в квартире? – спросил судья с иронией в голосе.

Подсудимый мотнул головой.

- Прошу отвечать словами. У нас принцип непосредственности и гласности. Как понять ваше мотание головой?

- Был... – ответил Матрос и громко сглотнул слюну.

- Поведайте суду, как вы туда попали и чем там занимались?

Матрос напряг воображение, устремив глаза к окнам.

- Опустился к окошку, – начал он. – Потом залез в форточку...

- Хорошо. А дальше...

- Потом я подошел к двери и открыл...

- Для чего?

- Чтобы зашли...

- Хорошо. Зашли. Чем потом занимался?

Матрос удивленно посмотрел на судью. Что выкобенивается, когда в деле подробно написано?

Судья ждал, обдирая взглядом подсудимого.

- Потом я открыл холодильник...

- Ну и...

– Там была водка. Выпил и просто сидел. Не до того было. Они ходили, а я просто сидел...

У Матроса не хватало слов, чтобы выразить гамму чувств. Он чуть не свалился тогда с подоконника.

– Сидел?

– Да, ваша честь...

– Устал, что ли?

Зал дружно усмехнулся.

Судья побагровел и пристально посмотрел поверх очков. Театр нашли. Серьезным делом занимаешься, а эти в смех. Утрясти бы дело сегодняшним днем, потому что надоело до самой селезенки. Потерпевших куча, а в самом центре – обворованный адвокат с прокурором. Надо сегодня же закончить приговором.

– У меня, например, в голове не укладывается, – вдруг вспомнил судья. Обворовать собственного соседа! Наверно, бывал у него не раз, и даже выпивать приходилось?

– Да, – согласился Матрос. – Выпивали...

– Как же ты мог?

Судью слегка занесло. Не должен он воспитывать таким образом. Для этого приговор существует. Однако Николаев продолжил.

– А прокурора за что вы так? – спросил он. – Неужели не знали, куда лезете? Ведь есть же негласное правило, что нельзя трогать ни судей, ни прокуроров...

Матрос опустил голову. Конечно, он знал, куда лезет, но не смог удержаться.

– Что молчишь, Бушуев? – допытывался судья.

Матрос продолжал безмолвствовать.

– Ну и молчи.

Николаев демонстративно отвернул от него голову. Все писанные и неписанные сроки по делу давно прошли. Закончить бы действительно сегодня.

И он сделал это. После обеда, выслушав судебные прения и последнее слово подсудимых, он направился в совещательную комнату для постановления приговора.

– Когда ожидать приговор? – спросил вдогонку один из защитников.

Судья Николаев посмотрел на смельчака испепеляющим взглядом. Моду взяли в разговоры вступать. Как только, так сразу. Может, к вечеру, а может, завтра к обеду. Это не игра в кости. И вообще, какое судья имеет право вести частные беседы во время процесса...

Однако вышел Николаев ровно через час.

– Мне кажется, у него приговор был готов, – шепнула Садовская на ухо Печкину.

– Давай-ка послушаем для начала, – отмахнулся тот поспешно. – Может, опять не приговор, а всего лишь определение. Например, о возврате на дополнительное расследование.

Оказалось, суд все-таки вышел к народу с приговором.

Меньше всех получил Вагин. Как выяснилось, он всю жизнь только тем и занимался, что стоял под окнами и ковырял в носу. Суд ограничился тем, что несчастный больной (почки больны – оттого и отекает) отсидел год в следственном изоляторе, и освободил из-под стражи. Бушуева приговорил к пяти годам лишения свободы, Конькова к четырем. Вовочку – к пяти с половиной. Слишком непонятной была его роль по делу. В некоторых местах даже просматривалось организующее начало.

Подсудимые восприняли приговор как должное. Они не спорили в суде друг с другом и не задавали вопросов. Глупые и ненужные ответы могли только ухудшить положение. Друг к другу у них тоже не было претензий. Во всяком случае, так казалось со стороны.

Вовочкина мать негодовала:

- Этому, которому сорок, дали меньше, чем моему. Ну! Где она, справедливость?! Не было ее и нету...

- Теперь нам хотя бы ясно, чем всё закончилось, - мрачно заключил Печкин.

Бывший следователь терпеть не мог свою новую работу. Он чувствовал себя не в своей тарелке. «О них плачет гильотина, а я их теперь защищаю», - нервно думал он.

Вовочкин папа на суде отсутствовал. Он поступал в соответствии с принципом: «Я его туда не гнал, и вообще, кто я им такой...»

Кассационная жалоба, поданная в областной суд, была своевременно рассмотрена. Приговор утвердили. А еще через месяц Вовочку Садовского переправили в колонию.

Однако Нина не смирилась со случившимся. Опять тербит Печкина.

- Говорят, можно еще раз кассацию подать, - учит она юриста.

- Кассационное обжалование невозможно - можно лишь надзорную жалобу подготовить. Но это не изменит его положения.

- Ну, все-таки... Может, напишешь, Витя?

- Конечно, почему не написать, - согласился Печкин. Он понимал: чистой хочет быть перед сыном Садовская. Чтобы не было у того оснований марать ее имя.

Садовская каждый день звонила теперь Печкиным домой и плакала в трубку. Ирина ее успокаивала. Ей понятно, что значит потерять ребенка. У самой дочь в малолетстве умерла. Но Вовочка жив у этой. Рано или поздно вернется и попьет еще кровушки – лучше бы не носилась как с писаной торбой.

И Печкина, не выдержав, как-то брякнула в трубку:

– Извини, Нина... Может, это не мое дело. Но он же – копия папа! Вылитый наш Скакунок!

– Знаю, – согласилась Нина.

– Так что успокойся... Вернется – попьет ещё кровушки...

Печкина еще что-то хотела сказать, потому что слишком очевидным было сходство племянника с братом. Даже голову одинаково держат.

Однако Нина перебила ее:

– Все вы так! – и бросила трубку, донельзя расстроив бывшую золовку.

Садовская после разговора упала на диван и стала рыдать, захлебываясь слезами. Она была теперь абсолютно уверена, что сын стал жертвой стечения обстоятельств. Точно так. Не будь Матроса и прочих деятелей – был бы Вовочка на свободе. Не даст она Вовочке снова упасть. Именно так.

Деньги у Нины водились всегда. Недавно она собралась и съездила к сыну на свидание. Привезла передачу. Денег сунула из-под полы. Сама рисковала. Но все прошло. Сын в каждом письме теперь пишет, как он скучает о ней. Говорит, что был неправ – голова другим была занята. Не было времени думать. И подсказать тоже некому.

Через два года Вовочку увезли в леса далекие – за Пермь, в колонию-поселение. Для матери настали тяжелые времена. Не разлетишься с Волги на свидание. Мало того, Вовочка в последнем телефонном разговоре отругал ее.

– Для чего мне крупа и рожки! Ешь их сама! Присылай деньги. Деньги... Ты понимаешь меня или нет?!

У Нины руки опустились. Дождалась благодарности.

И мать снов вспомнила о Печкиных. Не к кому больше обратиться. Эти хоть совет какой-то дадут. Семья у Нины в детстве была большая, но толку от этого мало. У каждого свои проблемы.

– Зря они его на поселение перевели, – ворчит Нина. – Сидел и сидел бы здесь. Зато рядом.

– Нина, – подхватывает Печкина. – Ты только не обижайся...

– А чё! Я ничё... Конечно, уж... Теперь-то дошло до меня...

– Как мать я тебя, конечно, понимаю. Может, исправится, когда придет.

– Ой, не знаю. Ехать надо опять к нему. Далеко. И боюсь... В остальном у него там все нормально. Работает слесарем по обслуживанию поселка. Живут втроем в комнате, что ли. Говорит, ничего.

– Так он тебе и скажет.

* * *

– Иди разгружать вагон! Ходить за вами, что ли? – недовольно шипел охранник, глядя на присевшего над отверстием в туалете грузчика.

– Живот крутит, – холодно отозвался Агент.

Не торопясь, Векшин демонстративно разорвал газету и протянул охраннику.

– Хочешь?

Тот хлопнул дверцей и пошел прочь.

Агент поднялся, застегнул брюки. Потом вынул из кармашка мобильник, отключил его полностью, сделав недоступным для остальных абонентов, и сунул на прежнее место – за резинку носка. Сигнал послан, так что не следует рисковать.

Вагон был по-прежнему закрыт, хотя возле дверей было заметно шевеление. Поодаль, напротив конторы, теперь стояла темная иномарка. Векшин подошел к бригаде и остановился. Мужик в темно-лиловом пиджаке – цвет в полумраке толком не разглядеть – читал, жмурясь, сопроводительные документы на товар. Потом махнул рукой, взялся за пломбу и сорвал ее.

Остальное проделали двое помощников. Открыли замки, двинули в сторону двери, запрыгнули внутрь и принялись считать товар.

– Дураки, – обозвал их мужик. – Эти будут таскать, а вы пересчитывайте. Для чего я вам ручки с блокнотами выдал?!

– Миша Хитрый, – толкнул Векшина в бок один из грузчиков. – Видал?..

Агент тихо радовался: мужиком в пиджаке оказался местный авторитет. Живет непонятно где. Делает непонятно что. Выходит, директор фирмы, которого никто в лицо не видел, – всего лишь подставное лицо, а за всем стоит Миша Хитрый.

Один из грузовиков уже стоял «под парами», дымя выхлопной трубой. Водителю махнули издали, и машина стала приближаться боковым опущенным бортом к вагону.

– Хорош! – проорали грузчики.

Машина остановилась, плюнув воздухом из пневмосистемы, грузчики поднялись в вагон и стали носить коробки.

– Грузим аккуратнo, – бормотал Миша Хитрый. – Каждая коробочка мне досталась потом и кровью. Осторожнее, ребята, пожалуйста. Товарный вид...

Ему не дали закончить. Возле машины вдруг образовался человек в камуфляжной одежде и маске с прорезями для глаз.

– Всем оставаться на местах! – громко объявил незнакомец и наставил в сторону Миши Хитрого коротенький автомат.

Миша затравлено оглянулся. По углам вагона теперь стояли несколько человек в пятнистой одежде, а охранники толпились в отдалении. Вагон был взят в цепь, и какой-то цыган в гражданском распоряжался как у себя дома.

– Всем встать к машине! Упереться руками...

Миша, двое его подручных с водителем, а также и грузчики спрыгнули вниз и прижались лицом к машине. Быстрые руки побежали у них по карманам, но, кроме бумажников и сотовых телефонов больше ничего не обнаружили. Нашли мобильник даже у Векшина, ощупав лодыжки ног, и Миша Хитрый теперь беспрестанно косился в его сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/starinschikov_nikolay/v-chuzhoj-igre

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)